

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИЙ В ГРУЗИНСКОЙ ПЕРИОДИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	
I. Ранние попытки регулирования сферы тра- диций	I7
2. Борьба против вредных пережитков в ус- ловиях формирования антикрепостнической идеологии и национально-освободительного движения	24
3. Старые обряды и обычаи по памятникам грузинского феодального права и дан- ным этнографии	42
Глава II. ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРОТИВ ВРЕДНЫХ ПЕРЖИТКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	
I. Особенности кампании и ее результаты	58
2. Социальный состав участников кампании и их цели	II7
Глава III. ДУХОВЕНСТВО, ТРАДИЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ	
I. Отношение церкви к народным традициям; методы и задачи	I27
2. Отношение общественности к деятельности духовенства	I55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	I75
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	I92
СОКРАЩЕНИЯ	226
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	227
ИЛЛЮСТРАЦИИ	229

Особенно интенсивные процессы регулирования сфер бытовых традиций имели место в Грузии во II половине XIX века. Происходившие в стране в пору становления буржуазной нации социально-экономические изменения ощутимо активизировали процесс критического освоения всего культурно-исторического наследия. Грузинская общественная мысль активно разрабатывала многочисленные теоретические и практические вопросы, связанные с проблемой старых обрядов и обычаев. Это со временем повлекло за собой массовое изменение социального статуса целого ряда элементов традиционной духовной культуры, их перемещение из "центра" культуры в "периферию" и наоборот.

В процессе аксиологического структурирования национальной культуры принимали участие все более или менее значительные общественно-политические силы страны. Каждая из них старалась создать свою собственную, новую модель национальной культуры, которая в будущем смогла бы обеспечить культурную консолидацию грузинского народа вокруг ее идеологической системы. В этом деле особая роль отводилась молодой этнографической науке, ибо этносоциальные и этнокультурные аспекты многих элементов традиционной народной культуры в силу существующих в ту пору социально-экономических, политических и классово-сословных реалий приобрели особую значимость.

Сбор этнографических материалов получил широкий размах в Грузии. В многочисленных грузинских журналах, газетах и сборниках систематически публиковались статьи о вопросах этнографии и практическом значении результатов этнографических исследований. Здесь достаточно перечислить некоторые из них, публиковавшиеся в газете "Ивериа": программная статья Ильи Чавчавадзе "Об изучении народных обычаев" /373/; серия статей публициста Александра Нанейшвили - "О чем повествует и чему учит обычай" /374/, "Необходимость изучения пережитков прошлого и народных обычаев" /387/, "Необходимость изучения особенностей грузинской нации и основания с этой целью музея" /371/ и др.

Грузинские публицисты настойчиво призывали читателей принять активное участие в весьма важном деле сбора этнографических и фольклорных материалов /292; 302; 308; 310; 327; 328; 330-332; 335, 338; 339; 351-353; 373; 387; 389; 390; 425; 426; 489, с.3-5/. "Для того, чтобы направить нашу жизнь на правильный путь и иметь успех, необходимо познать самих себя" /294/ - уверял своих современников редактор газеты "Дроеба" Сергей Месхи. То, что в самопознании заключена огромная сила, публицист подтверждает на примере выдающегося чешского просветителя, историка, фольклориста и этнографа Франтишека Палацкого и его единомышленников. Последние, по словам С.Месхи, напоминая своим соотечественникам о прошлом, как бы возвратили их к жизни, заставив призадуматься над настоящим и будущим /304/.

Такие увещевания создавали соответствующий настрой и пробуждали во многих желание "познать себя". В статьях подобного содержания нередко говорилось о практических путях осуществления мероприятий на благо народа, о методах и технических средствах выявления, хранения, записи и фиксации историко-этногра-

фического либо фольклорного материала. Газета "Дроеба" опубликовала специальный вопросник "Программа по записи образцов народной словесности", который в последующем был издан и распространен в виде отдельной брошюры /333/. Тогдашняя демократическая пресса публикацией соответствующих материалов широко информировала читателя о ходе и результатах работы, проводимой по указанной программе /337; 365; 370; 374; 375; 382-387; 391; 400; 401; 421-423; 443/.

Для сбора фольклорных и этнографических материалов было основано несколько фондов /383-386; 402; 442/. В течение определенного периода стало почти правилом оказывать материальную помощь указанным фондам. На страницах прессы часто появлялись пространные списки частных лиц, оказавших такую помощь /445-459; 461-463; 475; 508-512; 516; 517; 519/. И в этом деле велика была сила слова и личного примера лидеров национально-освободительного движения Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели. Последний в свое время даже основал в Чиатура производство марганца с целью добывания материальных средств, необходимых для развертывания фольклорно-этнографической работы в Грузии /219, с.76; 237; 238; 440/. А почувствовав приближение смерти, маститый поэт все свое имущество завещал Грузинскому Обществу Истории и Этнографии /172, с.160-180/ "для собирания и издания грузинских сказок, басен и вообще народных преданий" /219, с. 589; 496/. Знаменательно и то, что обширная, почти всеобъемлющая этнографическая программа-вопросник профессора Московского университета А.Хаханашвили впервые была опубликована в ежемесячнике "Акакис кребули" /286-290/.

Специально заинтересованным сбором этнографического и фольклорного материала лицам, каковыми являлись Р.Эристави /91; III;

127; 247/, Д.Бакрадзе /22; 71; 117; 187/, А.Хаханашвили /112, с.95-156; 149/, И.Чавчавадзе /125; 126; 239/, А.Церетели /238/, Важа Пшавела /89; 241, с.89-96/, А.Казбеги /241, с.84-89/, Я.Гогешашвили /241, с.77-82/, Т.Разикашвили /104; 105; 121, с.64-138; 241, с.100-108/, Бачана /121, с.3-63/, Н.Хизанишвили /211; 212/, З.Чичинадзе /198, с.177-178/, М.Джанашвили /32; 113; 198, с.202-203/, З.Гулисашвили /120, с.152-191/, В.Нижарадзе /174/, Л.Дадуани /248, с.12-43/, П.Умикашвили /207; 241, с.96-100/, Г.Апшинашвили /106, с.29/, И.Маргиани /248, с.116-181/, И.Гварамадзе, К.Гварамадзе, Н.Бакурадзе, Т.Сахокиа, И.Давиташвили, З.Чхиквадзе, И.Букураули, З.Биланишвили, С.Гачечиладзе, С.Мерквиладзе, М.Ростомашвили, В.Коптонашвили, Н.Асатиани, Г.Лиахвели /240, с.313-340/ и многие другие, неопределимую помощь оказывали краеведы-любители и местные корреспонденты прессы. Именно поэтому сегодня грузинская периодика прошлого столетия составляет богатейший архив этнографических материалов. Даже беглый просмотр этих журналов и газет убеждает в том, что "недатированная история" народа оставалась в сфере живейших интересов тогдашнего общества.

Широкое распространение этнографических знаний, а также исследования этнографических фактов окончательно убедили общественность в серьезности объективной критики старых традиций. Стало очевидным, что голословное отрицание традиционных обрядов и обычаев могло повлечь за собой весьма плачевные результаты, и тогда развернутая на благо народа кампания грозила обернуться силой, направленной против интересов национально-освободительного движения. "Знаете ли Вы, что доказали эти новые времена и новые знания? А то, что народ, который меняет и забывает свой особый обычай, нрав, жизнь, одним словом, народ, который

теряет свой национальный облик, погублен ; такая нация быстро вымрет и исчезнет с лица земли. Мы не являемся почитателями и защитниками всех тех суеверий, которыми так густо напичкан наш народ... Разумеется, мы не собираемся защищать гадалщиков и ведунов, обманывающих и разоряющих простолюдинов. Хотим сказать лишь то, что народ должен иметь свой нрав, обычай, колорит, одним словом, свое собственное лицо, так как ни одна истинно просвещенная нация не пытается уничтожить все это... Нам необходимы перемены, но не такие, которые грозят обезличить нас, стереть нас с лица земли" /168, с.433-435/, - писал в своей статье С.Месхи, наблюдая явно нежелательные тенденции.

Именно поэтому демократы народные обычаи вместе с экономическими и юридическими нормами жизни объявили предметом комплексного изучения, заострив внимание на выявлении и отрицании действительно отживших и негативных традиций и сохранении и популяризации наличествовавших в старых обычаях подлинно национальных элементов. Естественно, в ту пору за отсутствием соответствующего уровня развития этнографической науки такое всестороннее изучение проблемы не удавалось, что среди самих же тергдалеули нередко препятствовало выработке единого мнения вокруг целого ряда вопросов /230, с.26/. Несмотря на это, критика обычаев не прекращалась в прессе, приобретая все более объективный характер. В большинстве написанных прогрессистами статей учитывался провозглашенный И.Чавчавадзе принцип о необходимости взвешивать все за и против при рассмотрении любой злободневной проблемы. Подобные статьи настолько многочисленны, что их тщательное рассмотрение в данной квалификационной работе не представляется возможным. Коснемся лишь некоторых из них и, не застроя внимания на материалах пропагандистского и познаватель-

ного характера, попытаемся обсудить статьи, где речь идет о практически осуществленных мероприятиях и их результатах. Прежде чем приступить к обзору, целесообразно остановиться вкратце на причинах сохранности активно критикуемых прогрессистами древних традиций.

3. Старые обряды и обычаи по памятникам грузинского феодального права и данным этнографии

Среди старых традиций, борьба против которых ощутимо активизировалась в Грузии прошлого столетия, прежде всего следует отметить "келехи" и "агапи" /поминки/; вспомоществование для поминовения души усопшего; "цабурва", "цасабурави", "шесацивари", "гадасапени" /помощь деньгами либо продуктами, которую родные; соседи или односельчане оказывали семье покойного/ /249/; "урвади" /выкуп за невесту/; "мзити" /приданое/ и свадебные приношения /124, с.211-232; 250, с.11/. Причиной устойчивости этих древних обычаев и их широкой распространенности в быту в большинстве случаев считают своеобразную природу пережитков, что в основном правильно, но в данном случае приходится учитывать и другие аспекты. Коснемся лишь одного из них, с целью более наглядного показа сущности и непосредственных путей происхождения пережитков, против которого велась борьба.

Обычай одаривания новобрачных и обмена подарками между близкими родственниками жениха и невесты, а также обычай оказания помощи семье покойного, с уверенностью можно сказать, не опирались только лишь на силу народной традиции. Причины их происхождения наверняка были обусловлены социально-экономическим уровнем некогда существовавшего уклада жизни, но с течени-

ем времени эти обычаи превратились в элементы обычного права, а на последующем этапе развития общества некоторые из них, почти полностью сохранив свой первоначальный вид, приобрели силу нормативных актов феодального законодательства. Для иллюстрации сказанного достаточно привести соответствующую статью из судебногоника Беки I /ок. 1240-1306 гг./, облеченного титулом мандатуртухуцеса /члена визирата и как бы министра внутренних дел единой Грузии/: "Подарок свадебный подносить - долг человека пред человеком... А также долг человека - приносить шесацивари родным покойного, - оказывать помощь и другими подношениями..." /II6, с.300/, - пишет законодатель.

Таким образом, соблюдения указанных обычаев в Грузии XIII-XIV веков было не только желательным, но и обязательным, ибо из того же судебногоника узнаем, что заём и выплату долгов также регулировало государственное право. Узаконивало право и выдачу приданого, хотя в соответствующих параграфах ничего не говорится о его размерах. Лишь в некоторых случаях специально отмечается, что размеры приданого определялись по взаимному соглашению обеих сторон /201, с.41/. В Грузии семья каждого сословия считала себя обязанной дать дочери приданое; книги приданого также имели силу юридического документа /34, с.186; 162, с.1/.

Совершение поминальных обрядов /келехи, агапи/ также зависело не только от воли родных усопшего. Множество фактов, свидетельствующих об этом, приводится в памятниках грузинского церковного законодательства XI-XVIII веков. Одно из ранних сведений о том, как справлять поминальный обед, встречается в духовном письменном завещании, составленном в 1031-1033 годах католиком Мелкиседеком /183, с.24/. Подобный факт засвидетельствован и в книге пожертвований собора Светицховели католикоса Николо-

за, датированной 1687 годом /183, с.590/. Например, в духовном письменном завещании, составленном в 1712 году Онофре Мачутадзе - наставником монастыря Давид Гареджи, не только говорится о необходимости справлять келехи, но и тщательно описывается кому, где и сколько надлежит расходовать вина и съестного /183, с.689/. По аналогичным документам, ни один покойник не оставался вне почестей в виде келехи и агапи. Если у умершего не было наследников или других ближайших родственников, то поминальные обряды, обычно сопровождаемые многочисленными ритуальными трапезами, совершало постороннее лицо; чаще всего такое случалось среди духовенства. Проповедник-архимандрит Светицховели - Николоз Маглаперидзе по завещанию, составленному в 1696 году, даровал церковному крепостному свободу, с пашней и виноградником, но обязал справить по его кончине келехи и агапи для поминовения его души /183, с.608/.

Похороны, келехи, агапи и другие моменты траурной обрядности были связаны с определенными затратами; в правовых памятниках и этот вопрос не обделен вниманием. Например, в судебнике Агбуги /атабаг и амирспасалар - визирь-министр вооруженных сил, II половина XIX в./ читаем, что, если у крепостного умрет жена, не оставив детей, приданое следует разделить на две части: одна доля израсходуется для поминовения души, а другую надлежит отдать в отцовский дом женщины /160, с.326/. Об аналогичном случае говорится и в "Законах Вахтанга UI": "Буде в чьем-нибудь доме умрет женщина, не оставив детей, и останется муж, и /буде/ он хорошо порадеет о ее душе /т.е. понесет большие расходы. - В.Ч./, и если они были женой и мужем долгое время, ничего с него требовать не следует" /34, с.186/. Эти расходы, видимо, во все времена были значительными, так как сумма "са-

мархи" /расходы на погребение умершего/ и "сацрави" /доля для поминовения души/ в правовых памятниках во многих местах упоминается отдельно и часто определяется одной третью имущества умершего /181, с.525/.

Оказание материальной помощи в час скорби и печали, т.н. гадасапени и цасабурави, как отмечалось выше, издавна были узаконены грузинским гражданским правом. Из приведенных далее документов явствует, что эти обычаи не были обойдены стороной и церковным законодательством, и таким образом этот обрядовый комплекс с течением времени превратился в обязательную норму для всего православного населения Грузии. Однако вопрос абсолютной правовой канонизации упомянутой традиции все-таки нельзя считать окончательно решенным, так как трудно сказать, какой именно смысл вкладывали составители законов в термины - цасабурави, шесацивари, нишани и т.д. О том, что такая постановка вопроса не лишена основания, свидетельствует и привлеченный нами свод церковных законов, где речь идет не о всем объеме цасабурави, а лишь о его определенной части, т.е. в данном случае подразумевается только та доля цасабурави, на которую притязала церковь. Это - сам по себе значительный факт, указывающий на неоднородность структуры этой традиции и дающий повод к поискам причин, обусловивших такое своеобразное деление. Ниже попытаемся по мере возможности рассмотреть некоторые аспекты этого небезынттересного вопроса, так как его более подробный анализ не входит в задачи данной квалификационной работы.

Согласно церковному праву, затраты, связанные с погребением и поминовением усопшего, дифференцированы и ощутимо отличаются друг от друга применительно к представителям различных сло-

ев общества. В "Книге нанонов самтависской паствы" /1459 г./⁵ это обстоятельство представлено следующим образом: "Тот, кто есть дворянин в этой пастве, должен поднести надлежащий сацирави - коня, оружие, цасахурави и нишани. А коли это слуга, то ему надлежит поднести коня и оружие, и... одного быка" /183, с.207/. Примерно то же самое засвидетельствовано и в грамоте паствы цилканской богоматери /1662 г./. В случае кончины господаря мухранского "... сацирави и нишани, один гадасахурави дают цилканскому епископу, всю остальную часть нишани, как и полагается, заберет досточтимый католикос" /183, с.542/. По этому же документу, подобным образом дифференцированы почти все жители деревень, входящих в паству этой церкви. Например, в дер. Дзалиси в случае смерти главы дома Зедгенидзе либо его жены церкви полагалось на душу "... весь нишани, осёдланный конь... столовый прибор, включая чашу... Также, коли помрут их супруги, - платье, шубу или мех, пояс, пуговицы, перстень, головной убор; одно гадасахурави поднести цилканскому" /183, с.544/. Здесь же дается и перечень полагающейся церкви гадасахурави в случае смерти слуг неженатого Зедгенидзе и их жен.

После ознакомления с указанным документом следовало бы выяснить, каковы соотношения между упомянутыми здесь сацирави, гадасахурави /цасабур-гадасапени/ и нишани? Конкретно что подразумевается под этими терминами и как они связаны с обычаями, фиксированными в этнографическом быту под тем же названием?

Итальянский миссионер Арханджело Ламберти /XVII в./ при

5 Самтависский собор /1030 г./, центр одного из древнейших епископатов Грузии /XI в./ /200/.

описании ритуалов, связанных с культом мертвых в Мегрелии, специально останавливается на обычае править тризну на сороковой день после смерти. По его сведениям, в этот день священнику за совершение обряда преподносили лучшее из личного имущества покойного - коня со своим убором, серебряные изделия, оружие, одежду и т.д. /I52, с.66; ср. I54, с.282-294; I97, с. I12-I4I; I40/. На основе указанного сведения можно говорить и о том, что под упомянутым в церковных документах нишани подразумеваются предметы именно такого порядка, а сацрави и гадасахурави /цасахурави/, видимо, являются долей пожертвований, подносимых лицами, пришедшими на поминки для выражения соболезнования родным покойного.

Это краткое пояснение дает возможность проследить пути становления акта принесения нишани церкви. Выше приводится цитата из книги Вахушти Багратиони "История царства Грузинского", где речь идет о похоронных обрядах. По сведениям Вахушти, в древности грузины хоронили покойника "...со всеми его одежаниями, и оружием, и украшениями". Автор там же отмечает в виде ремарки - "а посему и есть ныне нишани епископов". Именно это, на первый взгляд, маловажное примечание и дает возможность проследить происхождение упомянутого в церковных документах нишани. Очевидно, здесь дело имеем с одним из результатов борьбы христианства против дохристианской традиции погребения. Поскольку церковь оказалась не в силах полностью запретить исконно существовавший обычай класть в гроб вещи покойного, она заменила его обязательным пожертвованием в свою пользу, что весьма наглядно показывает, по какому пути следовала церковь в борьбе с чуждыми ей культурными традициями. Таким образом можно обнаружить след еще не одной ветхой традиции, если тщательно пересмот-

реть канонизированные в грузинской церкви оригинальные обряды и ритуалы священнодействия.

Вышеприведенные документы заслуживают внимание исследователей не только с указанной точки зрения. В них содержится ничуть не менее важная информация для изучения вопросов трансформации некоторых традиций. Вновь обратимся к примеру обряда подношения церковного нишани. Согласно письменным документам, его состав ощутимо менялся, сообразуясь с каждой новой эпохой, что, несомненно, было связано с созвучным эпохе переосмыслением ветхой традиции. Раскладка по хронологическому принципу данных такого характера, собранных в церковных документах, и соответствующего археологического материала во многом может способствовать диахроническому исследованию похоронной обрядности.

Церковь, ведя борьбу с дохристианскими элементами в быту и культуре народа, не забывала и о собственных экономических интересах. На этом же пути стояла она и в XIX веке, когда передовая часть общества приступила к активной критике негативных и отживших традиций. В эту кампанию включилось, как известно, и духовенство, став со временем почти самым организованным отрядом борцов против старых обычаев и обрядов. Однако цель служителей культа в основном оставалась прежней — направить движение прежде всего на благо церкви и пропагандировать православие, т.е. идеологию правящих классов.

Большинство традиций, отвергаемых передовой частью общества в прошлом столетии, на различных отрезках истории облекались государственным и церковным правом силой всеобщего закона. Такое положение, безусловно, способствовало их широкому распространению и сохранению. Однако, как уже отмечалось, правовые памятники не только помогают уяснить некоторые причины сохранности по-

рой даже весьма ветхих обрядов и обычаев, но и могут внести определенную ясность в вопросы изучения процессов их возникновения и развития.

При характеристике религиозного быта горного региона Восточной Грузии большинство исследователей особо отмечает, что многочисленные хатоба - празднества в честь местных божеств минималистски христианизированы, и что достаточно чуть соскоблить с них христианский слой, чтобы увидеть живое язычество /I55, с.149; ср. 80; I03; I44; I45; I53; 2I6/. Указанная точка зрения не отражает с достаточной полнотой реальное положение дел, поскольку в результате взаимодействия упомянутых "живых следов язычества", "христианского слоя" и множества других моментов с течением времени сформировалась совершенно оригинальная и самобытная религиозная система, обладающая достаточно отличенной от других теогонией, мифологией, культом, моралью и картиной мира, т.е. теми компонентами, которые придают каждому религиозному мировоззрению его собственный, самостоятельный вид. Поэтому, очевидно, стратиграфическое исследование и поиски фактов синкретизма при изучении традиционных верований не должны являться самоцелью, так как подобная установка обычно побуждает исследователя к "обнаружению", главным образом, архаических элементов, а рассмотрение отдельных явлений в разрезе всей религиозной системы переходит на второй план.

Например, обычно, при рассмотрении упомянутых выше празднеств в ритуале обильного жертвоприношения этнографы видят обряды, непосредственно унаследованные от язычества, постольку этот элемент культа считается одним из свидетельств существования "живого язычества". Соображение это в общем правильное, ибо жертвоприношение своими корнями уходит именно в такую глубь веков, од-

нако та форма его проявления, которая и сегодня присутствует в праздниках горцев, видимо, все же не является прямой репродукцией ритуала столь давних времен.

В обоснованности такого соображения убеждает "Малый номоканон", составленный настоятелем афонского монастыря Эквтиме Мтацминдели /X в./ /158, с.74-75/. По данным сборника, читать молитвы над жертвенным животным не входило в обряды грузинской православной церкви, заклятие жертвенного животного совершалось где-нибудь в отдалении, за пределами храма и т.д. В книге описываются обряды, которые и сегодня являются официальными действующими законами для грузинской церкви. Там же при описании соответствующих ритуалов, распространенных среди армян, автор отмечает, что они ведут себя как им предписывает "старый закон"; здесь подразумевается порядок отправления культа, существующий в период до религиозного раскола грузин и армян /VII в./ /68; 208/. Любопытно, в чем же состоял этот старый религиозный обряд? Последний с достаточной полнотой описан в том же сборнике и почти полностью совпадает с засвидетельствованным на горских празднествах ритуалом жертвоприношения. Таким образом, вопрос о происхождении упомянутой формы обряда непосредственно от язычества уже вызывает сомнение и в дальнейшем такое утверждение требует большей обоснованности.

Здесь речь шла о наличии в традиционных празднествах грузинских горцев элементов унаследованных от раннего христианства. Тот же сборник предоставляет возможность утверждать обратное относительно некоторых из них, т.е. наделить большей достоверностью соображение об архаичности той или иной стороны ритуала. Например, хевсуры во время некоторых традиционных празднеств собирали кровь заколотых жертвенных бычков, а затем варили её в

котлах. Приготовленное таким способом кушанье ели лишь молельщицы общинного святилища. На первый взгляд, здесь имеем дело с простой традиционной едой, но в ней определенно видны и признаки ритуальной трапезы. А если это так, то не исключается возможность, что указанное действие по своей семантике сходно с актом принятия освященной просвиры во время евхаристии. В таком случае можно предположить, что оно когда-то было характерно и для христианства. Против такого допущения исчерпывающее сведение дает тот же "Малый номоканон". "...А коли некоторые беспутные и прожорливые соберут кровь заколотого скота и употребят ее в пищу и нескрываемо станут пожирать, повелеваем - нигде не совершать этого скверного деяния. А коль кто застигнет чина духовного пожирающим кровь скота, смести его должен с лица земли, а если мирянин совершает деяние сие, то впредь не причащать его" /158, с.59/. Как видим, для христианского церковного законодательства чуждо причащение кровью жертвенного животного, а следовательно, оно проникло в празднество хевсуров из верований более раннего периода.

Таким образом, при рассмотрении отвергаемых в прошлом столетии обрядов и обычаев среди других источников особое внимание заслуживают правовые памятники эпохи феодализма. Они помогают объяснить причины устойчивости и сохранности целого ряда стародавних традиций, а также внести некоторую ясность в вопросы их возникновения и видоизменения. Особое внимание заслуживает и такая закономерность в трансформации некоторых обрядов и обычаев: традиция → норма обычного права → норма государственного права → "народный" обычай.

Памятники феодального права содержат многосторонне интересную информацию о тех обрядах, обычаях и адатах, против которых

ополчилась грузинская буржуазия в пору своего становления. В то же время в указанных источниках не много либо почти ничего не говорится о тех признанных вредными обычаях и ритуалах, которые довольно глубоко пустили корни в быту одной части тогдашнего общества, в частности среди жителей различных уголков горного региона Восточной Грузии /Хеви, Мтиулети, Гудамакари, Хевсурети, Пшави, Тушети/. В этом нет ничего удивительного — по ряду причин реалии, характерные для этих горских обществ на протяжении веков стоявших на низкой ступени стадияльного развития, не нашли должного отражения в законодательстве развитого феодализма. И это вполне закономерно, поскольку такие индивидуальные или коллективные нормы поведения суть элементы довольно специфической картины мира и образа жизни /24; 71; 166; 212^a/.

Различие становится особенно очевидным при рассмотрении соответствующих этнографических данных. Здесь можно привести пример т.н. "сахлис цеси", распространенного в горном регионе Восточной Грузии, в частности, в Мтиулети и Гудамакари. Этот комплекс верований и ритуалов, связанный с семьей и жилищем, в масштабах семьи своеобразно "повторял" главнейшие параметры выработанных внутри данной культурной традиции уклада жизни и картины мира, в том числе и принципы символического членения пространства. Соответственно, например, жилое строение, предельную объемно-пространственную композицию, его обитатели воспринимали как модель вселенной. По их глубокому убеждению, иначе и не могло быть, так как отправление принципиально одинаковых обычаев и ритуалов, будь то в самом доме или вне его, представлялось возможным лишь в однородной среде /260, с.10-52/. Именно поэтому, по ряду мифоритуальных данных, например, светодымо-

вое отверстие в крыше /эрдо/ и очаг /кера/ традиционного плоскокровельного жилища террасообразного типа являются коммуникационными каналами, соответственно ведущими в верхний мир /зескнели/ и в нижний мир /квескнели/ и т.д. /232/.

Во второй половине прошлого столетия разосланные во все регионы горной Грузии миссионеры Общества восстановления православного христианства на Кавказе всеми силами старались изменить традиционную планировку интерьера горского жилого строения путем выделения в нем т.н. "супта отахи" /букв.; чистая комната/. Якобы движимые целью улучшения санитарно-гигиенических условий жилища грузинских горцев посланники церкви пытались навсегда стереть след символической организации пространства, необходимого для отправления т.н. "дьявольских ритуалов" /259, с.34/. Данные воспринимаемого таким образом строения и соответствующего сахлис цеси — весьма достоверный источник для того, чтобы составить себе определенное представление о "бесписьменной" идеологической системе, "санкционировавшей" в свое время существование многих отвергнутых прогрессистами обрядов и обычаев. С указанной точки зрения довольно интересную информацию содержит этнографический материал Мтиулети и Гудмакари. Такой обзор тем более целесообразен, что борьба против вредных традиций в этой горной местности приобрела особенно острый характер в конце 1890-х годов и даже стала предметом жарких споров на страницах периодических изданий /230, с.75-84/.

Для большей наглядности надо кратко охарактеризовать важнейшую, инвариантную часть упомянутого типа жилища /231; 260/. Это прямоугольное в плане помещение делится плетнем на две равные части. По правую сторону от главного опорного столба пере-

крытия /"дедабодзи", букв.: "мать столб". См. илл. № I,2/ - жилая /"саджалабо"/ /См. илл. № 3,4/, по левую - хлев /"босели"/. В верхней части жилой - открытый очаг /"кера"/, в нижней - место для хранения воды /"сацкле"/. Символическое деление этих пространственных единиц продолжается. Уже на следующем уровне очаг делит жилую на правую - мужскую /"самамац"/ и левую - женскую /"садиац"/ половины /260, с.75-77/. В одном случае точкой отсчета символической организации пространства в масштабе всего дома является главная опора перекрытия "дедабодзи", т.е. камерный вариант "Древа жизни" /24, с.54-81; 75, с.44-55; 194; 242/, а в другом случае открытый очаг /236/.

Половозрастное и хозяйственное деление жилой части дома мотивировалось мифо-ритуальным противопоставлением полов. Основа этой оппозиции весьма проста. То, что по традиционным представлениям горцев было характерным свойством одного из членов этой пары, другой всецело был лишен того и наоборот. То есть, если было известно, что мужчине верования приписывали какие-то положительные свойства, то противоположные черты можно было легко найти в мифо-ритуальном образе женщины. Эта оппозиция особенно четко актуализировалась в области ритуальной практики. Здесь, все то, что считалось обязанностью или правом мужчины, строжайшим образом воспрещалось женщине. Если в домашнем хозяйстве ведущую роль играла женщина, то официальная часть семейного культа всецело была сконцентрирована на мужской половине жилья. Его единственным адептом считался глава семьи. В этих ритуалах женщина не принимала непосредственного участия. Она не в праве была ступить за очаг, т.е. на мужскую половину жилья, так как мужчина считался "праведником" и все связанное с ним было "чистым", а женщина - сакрально не чистой /"миреули"/. Соответ-

ственно мужскую часть жилья называли "праведной", "чистой" стороной - "сацагмарто", а женскую половину "саукугмарто", т.е. считалось что на этой стороне дома-микрокосмоса все было наоборот /260, с.76/.

Фактически из-за этого семейная обрядность горцев состояла из двух частей. Официальный культ, который прославлял ангела дома /"сахлис ангелози"/, вел глава семейства. И, это считалось единственным правоверным и истинным богослужением. Но в то же время в семье существовал и неофициальный культ, т.н. "мольба женщин" /"калта лоцва"/. Хозяйка дома, старшая женщина семьи, тайно выполняла эти ритуалы. Они, фактически, являлись "перевернутыми", можно сказать, зеркальносимметричными вариантами легальных обрядов. Например, если мужчина молился днем, став лицом к восточному небу и достаточно четко произносил сакральный текст, то обычно хозяйка наклонившись к земле в темном углу, на женской половине дома, что-то тихо шептала. В "углу ангела" мужчина крестообразно надрезав ритуальную лепешку, правой рукой клал её на полочку, выполнявшую функцию домашнего алтаря /см. илл. № 5,6/. Женщина все делала наоборот. После захода солнца, она вывернутой за спину рукой /"хелукугма", "куртукугма"/ ставила на землю миску с подношениями антиподу ангела /232/.

Планировка традиционного жилища горцев как бы благоприятствовала такому сосуществованию официального и неофициального культа. Боковые стены и очажный огонь делали мужскую половину самым защищенным местом дома. Женская половина была лишена подобной изоляции. К ней вплотную примыкал хлев, на который и были сориентированы тайные обряды.

Таким образом верхний правый угол дома был "углом ангела",

а в противоположном - левом углу "жил" его антипод. Последний был прямой противоположностью человека: косматый черный левша, с вывернутыми назад пятками /"кочукугмарти"/, работал и питался ночью, все понимал и делал наоборот и т.д. Одним словом, этот "вывернутый наизнанку ангел" - дэв /ср. 228/. По мифо-ритуальным данным угол ангела - "центр" социума /культуры, космоса/, угол дэва - "центр" природы /натуры, хаоса/. Соответственно каждой из этих подсистем, очаг и "дедабодзи" функционировали в них как медиаторы и противопоставлялись друг другу в мифологеме "выросшего в очаге дерева". Упомянутые значимые единицы пространственной структуры микрокосмоса играли особую роль в "переходных обрядах" /235/.

Как уже было сказано в доме не только мужская и женская противопоставлялись друг другу, но и вся площадь жилого этажа делилась на две части: жилую и хлев. Роль границы между ними выполнял главный опорный столб. Каждый из этих пространственных единиц, как бы до бесконечности, продолжал дихтомное деление, как по горизонтальной, так и по вертикальной плоскостям. На мужской половине друг другу противостояли место главы семьи /"саупросо"/и место для младших мужчин /"саумцросо"/. В свою очередь в роли оппозиционера "саупросо" выступал "угол ангела", самое "чистое" место дома-микрокосмоса и т.д. Подобная структура у пространства и на женской половине дома: там оппозиционер места старшей хозяйки - "верхняя часть очага"/"земо кера"/. В архаических текстах она выполняла функцию женского алтаря.

Так, постепенно все пространство дома, как бы наполняла символическая система координат, в которой всему было отведено свое место будь то человек, предмет или орнамент. В организован-

ном таким образом пространстве у всего была своя "клетка" и особый "маршрут", скоррелированный соответствующими единицами ритуального времени /232/.

Символическая структура дома совпадала со структурой пространства и т.н. "социальной геометрии" общинных святилищ горцев /"хати", "джвари"/ /131/. В обоих случаях ближе всех "ангелам" стояли их "избранники". В семье таким считался старший мужчина, в святилищах - главный жрец /"деканози", "хуцеси"/ /118, с.35-57; 119; 132/. Их деятельность, по сравнению с рядовыми членами общины, была весьма ограничена в пространственном отношении: "деканоз" был "рабом" святилища и у него оставалось мало времени для каждодневного производственного труда. Не мог заниматься "черной" работой и глава семьи. Ее в основном выполняла женщина, потому что "ангел дома" требовал от своего адепта сакральной чистоты. Такая мотивировка упрочняла положение "избранных": главу семейства обслуживала хозяйка дома, а главного жреца святилища - община /"теми"/ и т.д.

И этот краткий обзор делает очевидным, сколь велик был удельный вес архаичных обычаев и ритуалов среди традиций, отвергнутых обществом в прошлом столетии. Вполне очевидно, что большинство их являлось органической частью традиционных воззрений и культа грузинских горцев. Борьба с этими древнейшими обрядами и обычаями считалась, и особенно представителями православной христианской церкви, первейшей задачей, и борющиеся пытались искоренить их различными способами и методами.

Глава II. ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРОТИВ ВРЕДНЫХ ПЕРЕЖИТКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

I. Особенности кампании и ее результаты

Страницы грузинских журналов и газет минувшего столетия изобилуют статьями и корреспонденциями, посвященными проблеме старых традиций. Их рассмотрение дает возможность не только составить себе общее представление о создавшейся обстановке, но и проследить, какие конкретные шаги предпринимались в этом направлении в отдельных уголках страны. Такие материалы наиболее наглядно представляют один из уголков горной части Восточной Грузии — Хеви. Борьба против искони установившихся традиций в Хеви, в отличие от других краев Грузии, началась рано и сразу же обрела организованный характер. Жители села Степанциминда /ныне п.Казбеги/ еще в 1868 году созывают собрание "с той целью, чтоб хоть как-то сократить размеры затрат, требуемых похоронно-поминальной обрядностью". Вместе со степанциминдцами на собрании присутствовали представители всех четырех общин мохевцев. Сбор состоялся на "сабчео" /площадка внутри поселения, где мужское население собиралось для обсуждения разных общественных вопросов или просто проводило свободное время в беседах и развлечениях /209; 229/ гергетского святилища святой троицы, а принятое решение, согласно которому урвади и расходы на покойника ощутимо сократились, присутствующие подкрепили клятвой.

Против решения выступили лишь представители рода Гудушаури /493/. Их не удовлетворяла уменьшенная сумма урвади — 50

рублей, и они по старому обычаю потребовали быка, т.н. "сагор-мето" /выкуп за родовое или фамильное преимущество/⁶. Собрание отклонило их желание, и поскольку Гудушаури отказались принять клятву, членам общины запретили породнение с родом Гудушауров. Как узнаем из журнала "Мцкемси" /1898 г./, этот пункт приговора вскоре нарушил один зажиточный крестьянин, женившись на женщине из рода Гудушаури из селения Сно. Кроме того, он уплатил урвади по старому обычаю, отдав семье невесты и быка сагормето. Известие об этом быстро распространилось по всему Хеви, и для наказания нарушителя клятвы вновь собралась община. По общему решению, в дер.Гарбани во дворе церкви святого Георгия был зарыт "самани" - камень проклятия⁷, якобы могущий навлечь божий гнев на этого человека и его семью. Автор корреспонденции, знакомящий читателей с событием 30-летней давности, в 1888 году сам был свидетелем церемонии выкапывания этого камня. Оказывается, нарушитель клятвы, уже в преклонном возрасте, приведя холощеную скотину в общинное святилище, вымаливал у соседей прощение: "Смилуйтесь бога ради, избавьте меня от дальнейших страданий, от гнева божьего и дайте вырыть камень моего проклятия". Благодаря посредничеству местного священника народ принял эту просьбу, но выкопать самани не осмелился ни один из присутствовавших. Вырыть камень взял на себя какой-то

6 В некоторых уголках горной Грузии /Хеви, Гудамакари, Пирикит Хевсурети/ привилегированные фамилии /по праву первых и коренных жителей села, или за породистость и первенство в общине/ требовали от жениха "сагормето" /124, с.49,220-227; 250, с.34-35/.

7 В Хеви, Мтиулету, Гудамакари, Пшави, Хевсурети, Тушети был широко распространен обычай ритуального использования межевых камней - "самани" /252-254/.

пьяный путник, а возрадовавшийся крестьянин, по старому обычаю, заколол жертвенную скотину в яме от камня /49I/.

Несмотря на страх перед такой суровой карой, принятое мохевцами в 1868 году решение не оказалось действенным, и восемь лет спустя по инициативе степанцминдцев все по тому же поводу вновь собралась община. На это событие широко отозвалась пресса, и приговор, вынесенный сельским обществом, был опубликован одновременно в нескольких грузинских периодических изданиях: "Сасопло газети", "Ивериа" и "Дроеба". "Дроеба" полностью напечатала текст решения, предварив его обширным комментарием, из которого ясно видно, сколь важное значение придавала тогдашняя передовая общественность составлению такого решения. "...прочитайте опубликованное в сегодняшнем номере нашей газеты решение общества деревни Степанцминда и вы непременно согласитесь, - пишет автор, - что в этом деле нас, грузин Картли, Кахети и Имерети, обогнали и превзошли горцы, которых мы считаем непросвещенными и чуть ли ни зверьми. Было бы неплохо, если бы мы, "просвещенные" взяли бы от тех "зверей" этот добрый пример и избавились бы таким образом от одного из обычаев, которые приводят в упадок нашу экономическую жизнь" /305/.

Комментарий подписан инициалами "С.М.", но нетрудно догадаться, что автором этих пламенных слов является тогдашний редактор газеты "Дроеба", беззаветный защитник трудового крестьянства, известный грузинский публицист и общественный деятель Сергей Месхи.

В решении, принятом в 1876 году, степанцминдцы так оценивают результаты проведенных ранее мероприятий: тогда "мы оставили корни, и поэтому в вышеупомянутом году /здесь, подразуме-

вается дата первого собрания, 1868 г. - В.Ч./ к установленным расходам и богатый и бедный, глядя друг на друга, стали подбавлять, как бы заботясь о собственном имени и чести, да так, что под конец дело дошло до прежнего состояния. По этой причине в нынешнем 1876 году на сходе нескольких деревень, или посланцев сел с твердого согласия друг друга мы решили следующее..." /305/. За заявлением следует текст шести пунктов самого решения.

Решение мохевцев явилось в то время смелым и прогрессивным мероприятием, которое наложило запрет на большие расходы, связанные с погребением и поминовением умершего, и не только применительно ко дню похорон, но и в значительной части ритуалов, совершаемых в течение года. А это само по себе было явлением значительным, ибо, как известно из этнографической литературы, многочисленные поминальные обряды /келехи, агапи/ нанесли огромный материальный ущерб семьям мохевцев. По решению были отвергнуты: многолюдный келехи в день прощального плача в голос и похорон; обязательные для всех родных умершего пять "дгиаисцели" первого года, т.е. ритуальное угощение - на рождество, в "хорциели шабати" /родительская мясопустная суббота, последняя суббота перед "квелиери" - масленицей/, в понедельник "светлой недели" /т.е. в первый день после праздника воскресения Иисуса Христа/, в праздник вознесения и "мариоба" /успенье/, а также "ствлис джороба" /осенняя ритуальная трапеза/, которую отправляли в первую осень после смерти человека и на которой присутствовала вся мужская половина общины; скачки и "квис агеба" /букв., ставить камень - обычай устраивать в честь умершего мужчины ритуальное соревнование по стрельбе из ружья/ и т.д. /157, с.175-177; ср. 249; 255/.

Согласно первому пункту постановления мохевцев, родным умершего в день похорон дозволялось нести лишь минимальные по тем временам затраты: "... в день похорон для священников и дьячков, могильщиков и тех, которые помогут родным умершего, достаточны два небольших убойных барашка или теленка и два пуда муки мелкого помола, коли будет пост - полпуда рыбы. Выпивку подносить не разрешаем ни в коем случае, разве что могильщикам, и то назначаем один кувшин, ибо им часто приходится работать при сильном морозе". После ознакомления с цитированной частью этого постановления у читателя может возникнуть мысль, будто мохевцы ничего не изменили, и расходы остались расходами. Однако это не так, поскольку вновь установленные подношения нельзя было даже сравнить с утвержденными старой традиций. Ранее, например, на келехи собирались все женщины и мужчины общины, а подобные многолюдные ритуальные трапезы лишали последних сил и возможностей и без того обездоленную семью. По новому же варианту, такое не грозило родным умершего, ибо число званых к траурному обеду гостей резко сократилось, соответственно, ощутимо уменьшились и расходы.

По мнению участников собрания мохевцев, упразднить все старые похоронно-поминальные обряды было невозможно, да и не было необходимым. Относительно этого условились: "Тот, кто соберется понести расходы за упокой души усопшего, должен внести деньги либо в пользу школы, либо в пользу банка, либо для каких-нибудь других целей, в соответствии с тем к чему решат применить эти деньги сами нижеподписавшиеся; пожертвованная сумма не должна превышать десять рублей, чтобы подражательство друг другу не повлекло за собой большие жертвования и не довело до гибели неимущих. Иначе наше постановление не достигнет своей цели, не сможет всем принести пользу" /305/.

Чтобы убедиться в правильности и своевременности решения, фиксированного в этой части постановления, необходимо хотя бы коротко коснуться и вопроса тогдашнего состояния просвещения и вопроса т.н. народных банков в Хеви. Как известно, в Грузии прошлого столетия дело воспитания будущего поколения было в плачевном состоянии. В этом отношении не составляло исключения и Хеви. Царское самодержавие не только не заботилось о просвещении широких народных масс, но и принимало особые меры, чтобы помешать этому - непросвещенный, пребывающий во мраке невежества народ становился политически инертным, что самодержавию давало возможность еще более усилить колониальное угнетение и эксплуатацию масс.

В существовавшей в ту пору в Грузии и без того слабой школьной сети по пальцам можно было сосчитать начальные "классы", да и там, начиная с 1867 года /после отмены обязательного обучения грузинскому языку / учеба шла на русском языке /94, с. 31-61, 182-208/. И результаты не заставили себя ждать. Почти всюду контингент учащихся сократился на половину и вскоре за отсутствием нужных средств многие из школ закрылись. Создававшаяся ситуация не ускользнула от внимания грузинских шестидесятников, и они самоотверженно боролись за восстановление прав национальной школы и обучения на родном языке. В этой связи на страницах грузинских журналов и газет появлялось множество статей, в которых передовые публицисты наряду с общими аспектами проблемы рассматривали и конкретные примеры, намечая пути исправления создавшегося положения.

Ниже приводим отрывок из статьи сотрудника "Иверии", касающейся бедствий мохевцев: "И впрямь щемит душу такое положение мохевцев, и тем более тяжело передать и описать его. Правда и

то, что по дороге к России, на почтовых станциях Степанцминда и Коби пассажир постоянно видит сгрудившихся праздных юношей, коим по возрасту самое время учиться... Шастают весь день бесцельно, околачиваются около духанов, болтают, приучаются ко всему плохому, и представьте себе даже к употреблению водки и вина. Завидев почтовых лошадей и отъезжающих пассажиров, гонятся за ними на одну или даже две версты, приплясывая и выкрикивая: "Пажалиста, адин капек, пажалиста!" Пассажиру ли знать, что вокруг него творится, вот он и кинет ему один-два гроша. А ребята бегут в духан и тратят гроши на обжорство. Вот и рассудите, какой может получиться толк от таких юношей! Ясно, что и сами они погибнут, да еще и других погубят на селе" /376/, - пишет озадаченный журналист. Автор статьи, один из ведущих публицистов своего времени Петре Умикашвили, убедительно призывает местное крестьянство сплотиться и все усилия приложить к тому, чтоб открыть в Хеви начальную школу.

Не менее важное значение придавали грузинские шестидесятники основанию в деревнях Грузии народных банков, депо, т.е. сберегательно-ссудных касс. Они хорошо понимали, что нашу деревню, опирающуюся на примитивное земледелие, не ожидали лучшие перспективы. Учреждением же народных банков они старались раскрыть широкий путь частной инициативе крестьянства. По их мнению, только такие финансовые ячейки, сформированные по указанному принципу кооперации, могли улучшить экономическое положение крестьян /225, с.127-141/.

На фоне данного здесь обзора более очевидным становится значимость упомянутого выше постановления степанцминдцев. Собрание общины весьма серьезно отнеслось к делу, и, можно сказать, приложило все усилия к достижению оптимальной выгоды для своего

края. Составители постановления прекрасно понимали, что лишь учреждение новых порядков не решало дело, и поэтому за нарушение перечисленных в нем условий был установлен штраф. Скопившаяся таким путем сумма также использовалась на благо общины. В решении учитывалась и возможность возникновения спорных вопросов.

По общему согласию собравшихся постановили: "О нарушении условий ни с кем не советоваться, кроме судей сельского общества". Из этого пункта следует, что вопрос регуляции этой сферы общественной жизни общество оставляло в компетенции местных жителей и на сей раз не требовало помощи от правительства. О том, сколь неотложным делом считало тогдашнее общество принятие подобных решений и их проведение в жизнь, ярко свидетельствуют многочисленные материалы, публиковавшиеся в грузинских газетах и журналах того периода.

В популяризации постановления степанцминдцев наряду с другими особая роль отводится "Сасопло газети" и ее редактору П. Умикашвили. Выше отмечалось, что текст этого постановления вместе с "Иверией" и "Дроеба" опубликовала и эта газета, выпускаемая раз в две недели. Указанный факт тем более важен, что упомянутая газета в силу своей специфики и дешевизны, в отличие от других существовавших в ту пору грузинских периодических изданий, была наиболее легкодоступным для сельского населения органом прессы. Она выполняла роль своего рода организатора в тех слоях населения, где действие ветхих традиций было почти неограниченным. После опубликования текста постановления в последующем номере газеты была напечатана пространная статья ее редактора - "Сокращение расходов на покойника". В этой статье вопрос ставится в масштабах уже всей Грузии.

По мнению автора, несмотря на то, что вредоносность старых обычаев и обрядов почти всеми осознанна, для их искоренения почему-то действуют все еще не совсем разумно. По свидетельству П. Умикашвили, в последние годы самые активные рассуждения о бесполезности похоронно-поминальных расходов имели место в долине реки Терека и Имерети /Западная Грузия/, но, к сожалению, за общими суждениями в указанных уголках не последовало никаких сколько-нибудь знаменательных практических мероприятий. Автор пишет, что в Имерети лишь кое-где некоторые перестали провожать умершего в последний путь громким плачем, но во всех имеретских деревнях этот обычай, да и соответствующие чрезмерные расходы по-прежнему остаются в силе. Публицист, пытаясь сообщить своим суждениям большую обоснованность, предварительно знакомит читателя с существовавшими к тому времени в различных уголках Грузии обрядами править тризну и устраивать плач в голос. Приводим соответствующую цитату из указанной части статьи, так как она наиболее наглядно отражает создавшуюся в тогдашней Грузии реальную обстановку, что, надеемся, у некоторых наших современников отобьет охоту к идеализации прошлого: "...Приглашение плачем - так называется обычай в Имерети, когда родной умершего водит пригласителя среди знакомых и родственников, приходите, мол, с плачем. Каждый из приглашенных по своему усмотрению зовет еще и других оплакивающих и берет с собой к родным усопшего. Чем больше соберет приглашенный оплакивающих, тем больше честь, оказанная им родным умершего. Поэтому нередко приглашенный приводит с собой десять, двадцать, а порой даже шестьдесят человек. Из различных деревень собирается огромное число таких приглашенных, порой до тысячи человек. Подумайте-ка, что за жизнь у крестьянина! Не говоря уж ни о чем другом, - пишет П. Умикашвили, - скажем то-

лько о трате одного гоми /мамалыги. - В.Ч./, ну а фасоль в пост и рыба в святки, к тому же еще и вино - это уж непременно.

... В Картли и Кахети хоть и не устраивают громкий плач, но почти все мужчины и женщины деревни идут в келехи. Деревни Картли и Кахети большие деревни, а потому и расходы не меньше, чем в Имерети. Тем более, что здесь в келехи готовят разнообразные блюда, да и скотину закалывают. Хлеб и лаваш домой забирают по обычаю.

У горцев же собирается вся община, т.е. несколько деревень, закалывают скот и хлеб с собой уносят.

Кроме келехи есть обычай и в другие дни поминать усопшего, в праздник местного святилища, на сороковой день, в годовщину и т.д.; в эти дни поминовения также собирается народ.

И все эти расходы почти всегда обрушиваются на одного человека, главу семьи, и, конечно же, не удивительно, если он станет нищим" / 484/.

П.Умикашвили указывал своим читателям на пример степенциндцев, достойный подражания, хотя там же замечал, что решение, принятое мохевцами, вряд ли можно было использовать равно во всех других уголках Грузии. Он советовал крестьянам самим составить приемлемые и полезные для них постановления на основании наблюдений над местными условиями жизни и быта. Автор статьи хорошо понимает, что только теоретические увещевания и лишенная реальной основы агитация - лишь пустые слова по сравнению с живым примером, и в той же статье дает информацию о похоронах, проводимых в Хеви в период после принятия упомянутого решения. Он с удовольствием отмечает, что после принятия постановления все умершие были преданы земле по новому обычаю. По мнению П.Умика-

швили, инициатива степанциндцев имеет хорошую перспективу, так как есть надежда, что над этим вопросом призадумаются и в других деревнях долины Терека, а в заключение автор обещает читателю дать вскоре сведения о соответствующих мероприятиях.

Сведения о том, что и в других деревнях Хеви народ поднял голос против старых традиций, встречаются в том же номере газеты. На последующей странице опубликована корреспонденция, присланная из дер. Горисцихе местным корреспондентом Габриелом Бедошвили. Не подлежит сомнению, что одновременное появление на страницах одной и той же газеты двух сходных по содержанию, посвященных одной проблеме материалов, не случайно. Здесь ясно видно, что редакции тогдашних изданий проводили специальную работу для правильной организации и ведения борьбы против вредных пережитков.

Автор упомянутой корреспонденции, в общих чертах касаясь необходимости упразднения отживших обрядов и обычаев, специально останавливается лишь на одном из них. В статье подробно описывается вся безысходность положения овдовевшей мохевской женщины, положение, в котором она оказывается в силу действия древнейшего обычая. По указанной традиции вдове запрещалось вторично вступать в брак, но если кто-либо все же решал взять ее в жены, ему приходилось совершать ряд сложных ритуальных действий. В отправлении этих обрядов самой вдове уделялась пассивная роль, и выбор или принятие окончательного решения предоставлялся мужчине единолично. Желая вступить в брак с овдовевшей сначала должен был выполнить обряд "квривис дадзахеба", что выражалось в том, что жених поднимался на кровлю дома умершего, стрелял из ружья в воздух и громогласно заявлял о своем жела-

нии. Затем он должен был позаботиться о примирении с родными умершего, ибо последние, как правило, начинали враждовать с его семьей. Так что брак, совершенный по указанному обычаю, нередко становился поводом для больших неприятностей. Дело усложнялось и тем, что посредством обряда "квривис дадзахеба" порой совершался весьма неравный брак. Если вдова отказывалась от вступления в такой брак, то она оказывалась в положении "кветилши дасмули", что лишало ее возможности выйти замуж за другого. Этот обычай, видимо, весьма широко бытовал в горном регионе Восточной Грузии, так как во время полевых работ и сегодня удается зафиксировать связанные с ним различные предания. Например, в Мтиулети и Гудамакари, по рассказам информаторов, "жених" через светодымовое отверстие оповещал женщину, все еще сидящую у останков умершего мужа: быть тебе моею /258, с.14/.

В статье Г.Бедошвили читаем также, что если вдова, несмотря на такие препятствия, все же выходила замуж, это уже давало реальный повод членам семьи и родственникам умершего довести новобрачных до отчаяния. Близкие умершего специально следили за своей бывшей невесткой и, застигнув ее одну, зверски избивали ее до полусмерти. Отношения между этими противостоящими сторонами налаживались лишь при посредничестве почитаемых обществом лиц и после огромных затрат в пользу семьи умершего. Автор корреспонденции решительно осуждает этот, распространенный среди мохевцев, действительно отживший и вредный обычай и требует его упразднения.

В связи с обычаем "квривис дадзахеба" привлекает внимание один исторический документ. В высказанном в диссертации предположении о широкой распространенности указанной традиции в гор-

ном регионе Восточной Грузии прежде всего подразумевалась долина реки Арагви, т.е. бывшее Арагвское эриставство /воеводство/ и близлежащие территории /100, с.79-86; 123/. Допущение оказалось вполне обоснованным. Из упомянутого документа явствует, что вопрос о необходимости упразднения этого обычая гораздо раньше встал перед населением эриставства, что и нашло свое отражение в одном из памятников грузинского феодального права, датированном 1782 годом - "Решение /населения/ долины и горных местностей". В источнике содержится параграф об интересующем нас вопросе: "Если кто из мужчин станет кликать вдову /"кврисс даидзахебс". - В.Ч./, с него спросим как с содевшего коварство. С сегодняшнего дня никто не женится на вдове путем "дадзахеба". Кого изберет вдова в мужа по воле своей, тому и быть её мужем" /182, с.450/, - повелевает правитель воеводства, сын Ираклия II, царевич Вахтанг. Спустя сто лет после установления этой правовой нормы, проведение в жизнь которой должно было повлечь за собой и соответствующие административные санкции, население долины реки Терека все еще пребывало в плену этого скверного обычая. Об этом можно говорить с уверенностью, так как данное суждение опирается не только на информацию Бедошвили. В частности, в личном архиве А.Казбеги хранится этнографическая статья, которую ее автор готовил к опубликованию в "Сасопло газети". В ней писатель пространно рассуждает о обрядах, связанных с замужеством вдовы, и для иллюстрации приводит один из таких случаев, подробно описывая его результаты /128, с.509; ср.124, с.19-21, 153-179; 189, с.74-76/.

Параграф, цитированный из правового памятника, интересен с различных точек зрения. Во-первых, из его содержания ясно видно, что внести изменения в сферу бытовых традиций пытались

и путем утверждения соответствующих правовых норм, во-вторых, такой факт с его последствиями довольно убедительно свидетельствует о том, что подобные средства борьбы были малоэффективными.

После принятия постановления степанциндцев /1876 г./ в Хеви положение дел в сфере старых традиций не очень-то изменилось. Право на подобные утверждения дает опубликованная в 1891 г. в февральском номере "Ивериа" небольшая, но весьма красноречивая информация. В ней автор сетует на суровую зиму и высокую смертность среди мохевцев, вызванную эпидемией, а в конце пишет: "Ведь смерть и без того большая утрата, - тем, что отнимает у близких родное им существо, - но она причиняет большой ущерб еще и потому, что /в Хеви. - В.Ч./ существует обычай оплакивания, и во время этого оплакивания родные умершего несут огромные расходы" /403/.

Более точные сведения об указанном периоде содержатся в серии статей А.Казбеги, опубликованной в 1880 году в "Дроеба". В одной из статей писатель, касаясь бытовых традиций своего края, упоминает и постановление 1876 года как весьма нужное и благотворное начинание. Из публикации узнаем, что постановление с самого же начала возымело противников в лице старосты дер. Степанцинда Алексия Алибегова, местного священника М.Меланаидзе и его близких и родственников. Последние, оказывается, не только не подписали постановление, но и "сочли его настолько неприемлемым, что видели в нем и бунт, и противозаконность" /319-323; 128, с.44/, - пишет А.Казбеги. И специально избранные жители села, которые должны были обеспечить исполнение постановления, не очень-то трудились; "...эти люди, к несчастью, оказались скорее болтунами, чем дельными, и принялись именно за ремесло ста-

рост - выпивая в духанах, говорить об этом деле", - продолжает автор. Отношение населения к постановлению, по-видимому, все же определилось фактом первых похорон. Вот что читаем об этом в статье А.Казбеги: "... первым понес утрату родственник старосты, и схоронил опять по старому обычаю, а чего ему было бояться?.. Староста ему свой человек, он же и с другими помог бы поладить. Ответственные за это дело люди подали в сельский суд. Сельский суд осудил близких умершего и наложил на них штраф. Однако староста не привел их приговор в исполнение и даже издевался над судом и решением народа. Пожаловал квешетский пристав, которому посланцы подали жалобу на старосту за неповиновение, но ему было некогда... Следовательно, как обычно, он не обратил никакого внимания на поведение старосты в этом деле... Однако, я и ранее говорил, что того, кто нагонит жир за двадцатилетнее пребывание диамбег-приставом, вряд ли тронут интересы народа!.." - пишет с болью в сердце А.Казбеги и, явно, строгим тоном своей статьи пытается привлечь внимание местного руководства.

Писатель хорошо был знаком с теневыми сторонами традиционного быта окрестных горцев и неоднократно подчеркивал необходимость борьбы с ними. В опубликованной в "Ивериа" в 1881 году рецензии о работе Густава Раде "Хевсуры и Хевсурети" А.Казбеги пишет: "У каждого горского народа существует один вид расходов, ложащийся тяжким бременем на их плечи, и бремя это есть "цирвеби", устраиваемые для поминовения усопших. Люди хорошо понимали весь вред подобных обедняющих действий, и во многих местах пытались полностью их искоренить, либо облегчить, но изменить обычаям, веками установившимся в народе, далеко не просто" /355/. Несмотря на такие трудности писатель с надеждой смотрит

в будущее, надеясь на решающую роль просвещения в борьбе с устаревшими обычаями: "С корнем вырвать все оставшиеся дурные обычаи могут лишь школа, просвещение, и ничто другое. Принятие народом всякого решения в связи с сокращением шесацивари, урвади, выдачей замуж вдов и упразднением других вредных обычаев и суеверий будет напрасным, безрезультатным в Хеви до тех пор, пока народ не почувствует, не увидит посредством просвещения всю их вредность" /128, с.48-49/. А.Казбеги в принципе был прав, но народ естественно не мог дожидаться всеобщего распространения просвещения и идеалов высокой культуры. Именно поэтому и продолжали в Хеви бороться с вредными пережитками опять-таки привычными средствами.

1 марта 1901 года в дер. Степанцминда собралось более 600 представителей из всех деревень Хеви для рассмотрения указанных вопросов. "Ивериа" опубликовала пространную статью С.Шадури о ходе собрания и принятого им решения. Главной целью этого собрания мохевцев было изменить "народные обычаи, соблюдаемые строже писанного закона", и принять решение, обязательное для всего общества. Постановление, утвержденное на сходе, состояло из 20 параграфов; из них 12 ставили целью нормирование правил проведения свадеб, а 8 - правил похорон.

Несмотря на то, что необходимость замены старых, отживших адатов чувствовал почти каждый мохевец, то единодушие, которое они проявили на сходе, основывалось и на ряде других обстоятельств. Указание на это встречается и в упомянутых статьях. "Кто знает, - пишет С.Шадури, - еще до каких пор существовал бы этот ни за что ни про что разоряющий, пагубный обычай, если б не начали иссякать доходы, которые давала мохевцам работа на Военно-Грузинской дороге и гуртовые перевозки по найму" /430-431/.

В 80-90-х годах прошлого столетия на страницах грузинской прессы часто дискутировали об экономических условиях грузинских горцев. Особенно остро стоял вопрос мохевцев. В скором будущем должна была задействовать Бакинская железная дорога, что само по себе повлекло бы за собой сокращение товарооборота на Дарьяле. Мохевцы оказались перед опасностью потери привычного дохода. Начались поиски выхода из создавшегося положения. Мнения в обществе разделились. Одни считали, что горцам следовало переселиться на равнину, другие же спасение видели в стимулировании и интенсификации местного традиционного хозяйства.

Все это ясно показало мохевцам, что поиски выхода из создавшегося положения должны были вестись общими силами. Приближающийся экономический кризис грозился обрушиться отнюдь не на какую-нибудь одну семью или деревню, но на весь край; эти обстоятельства породили объективные причины для сплочения мохевцев. И результаты не заставили ждать. Общественное мнение, подчиненное частному, постепенно становилось единодушным и в конце концов оно стало выразителем интересов всего общества. Именно в этом убеждает нас постановление 1901 года, равное которому по содержанию и масштабам ни до ни после не было принято ни в одном другом уголке Грузии.

Последнее решение ощутимо отличалось от принятых в 1868 и 1876 годах; поле действия первых двух фактически ограничивалось деревней Степанцминда, и в них, главным образом, речь шла о расходах, связанных с традиционными похоронно-поминальными церемониями. Выполнение же постановления 1901 года вменялось в обязанность всему населению Хеви, и к тому же, здесь специально рассматривалась свадебная обрядность. Согласно постановлению, из свадебных обрядов были упразднены следующие: расходы, свя-

занные с помолвкой в семье жениха и невесты; "мтховарт мирека" /букв.: засылка сватов/; обычай одаривания жениха и невесты деньгами; обычай поднесения жертвенных животных /для местного святилища/ родителями невесты; традиция устраивать пиршество в честь участников свадьбы в семье шафера. Остальные обряды и обычаи были ограничены и строго регламентированы. На нарушителей новых правил был наложен большой денежный штраф. Вот какие в частности изменения были внесены в некоторые из свадебных обрядов: раньше при помолвке жених отдавал родителям невесты от 5 до 15 рублей; по новому постановлению указанная сумма была ограничена тремя рублями. На второй или шестой месяц после помолвки жених должен был поднести семье невесты 3-6 ведер водки, 100-200 лепешек из муки мелкого помола и полпуда сыра. По новым правилам, эти расходы были определены следующим образом: 1 ведро водки, 30 лепешек, 10 фунтов сыра; раньше сумма урвади достигала от 80 до 200 рублей, по новому же адату было установлено на девушку - 50 руб., на вдову - 25 руб.; число свадебных дружек ограничилось для жениха и невесты пятью лицами; сумма "самцунебро" /букв.: забракoвывание, штраф за инициативу расторжения помолвки/ /167, с.23-25/ была ограничена 50 рублями.

Если в свадебную обрядность постановление внесло благоприятные изменения, то с расходами, связанными с погребением умершего, дела обстояли иначе. По сравнению с первым решением, принятым в Степанцминда, указанное постановление было шагом назад. Сельский сход 1876 года упразднил почти все расходы, связанные с похоронно-поминальным обрядом. Составители же постановления 1901 года сняли полный запрет, сосредоточив все свое внимание на ограничении и лимитировании порядка выполнения обряда, в ко-

торый были внесены следующие изменения: раньше родные умершего обязаны были подносить к поминальному столу хлеб, выпеченный из второсортной муки, привозимый ими из Кавкави /ныне г.Орджоникидзе/ в количестве 20-80 пудов. Теперь же хлеб выпекали из третьесортной муки в домашних условиях и не более 5 пудов. Прежде в келехи закалывали 2-10 баранов или 2 коровы; по новым же порядкам, закалывать более 3 баранов и 1 коровы было запрещено. В постановлении наиболее сомнительно выглядит пункт о напитках: "опьяняющие напитки строго запрещены, даже для самих могильщиков..." /431/. По тому же постановлению, если умершему было не более 7 лет, то установленные расходы сокращались наполовину. Родным умерших полагалось справлять вместо 5 лишь 3 дгисцели и т.д.

В постановления включались и такие пункты, которые должны были внести определенного рода порядок в традиции, связанные с похоронами и поминовением умершего. Почти в каждом из них говорится о том, кто из членов семьи односельчан обязан идти на поминальное угощение, а кому это запрещается и т.д. В похоронно-поминальных обрядах все три постановления неизменным оставили обычай "топис хмис гатеха" /ритуальное состязание в стрельбе, проводившееся в честь усопшего/ /249/, так как, по представлениям большинства мохевцев, этот обычай способствовал воспитанию мужества в будущих поколениях.

Постановление 1901 года лишь видоизменило некоторые обычаи. Например, мохевцы имели обычай подносить шесацивари натурой. Такая форма оказания помощи была отвергнута и вместо нее была установлена "гадахурва" деньгами. Как известно, с течением времени именно это искусственно введенное правило и превратилось в самый прочный и вредный обычай.

Вот как описывает этнограф С.Макалатиа эту к 1930-м годам уже глубоко укоренившуюся среди мохевцев традицию: "После внесения "карачхи" /корзины. - В.Ч./ начинается шесацевари: первым шесацевари подносит шафер. Последний берет в руки тарелку или разворачивает платок, кладет туда деньги и произносит: я поднес столько-то, и кому сколько не жаль пусть столько и получит, окажет честь суженому. Шафер передаст эту тарелку какому-нибудь из шутников и острословов, и теперь тот поднимется и провозгласит: "Люди, одарим жениха". Ему все подают шесацевари, он их берет и, шутя, приговаривает: "Сын Гигы Алекса говорит, больше, мол, должен был принести, да потратился я, вот и подношу пять рублей и одну копейку". Гости же, сидевшие за свадебным столом, восклицают: "Да благословит его Господь" /157, с.161-162/ и т.д.

Надзор над исполнением принятого мохевцами последнего решения был возложен на избранников общества. О случаях нарушения устава они сообщали старосте, последний же штрафовал виновника. На сей раз представители местных властей внимательно отнеслись к постановлению. Староста деревни Степанцминда ознакомил с ним квешетского урядника и начальника душетского уезда, чтобы последние представили постановление губернатору. Таким образом официально утвержденное решение сельского схода приобретало силу закона, и "опять-таки на благо народа решение вскоре стало бы руководящим" /431/.

Рассмотренная здесь небольшая часть статей, опубликованных в грузинских журналах и газетах, с достаточной полнотой передает общую картину борьбы против отживших традиций в Хеви. Как видим, непрерывная работа в этом направлении велась здесь на протяжении почти полувека; она первоначально носила локальный харак-

тер, но со временем распространилась на весь край. Из постановлений 1868-1901 гг. явствует, что местное население первостепенной задачей всегда считало упразднение или сокращение обязательных затрат, связанных с похоронно-поминальной обрядностью. С течением времени круг подлежащих упразднению традиций постепенно расширился, что и нашло соответствующее отражение в постановлениях более позднего периода.

Характер постановлений побуждает думать, что необходимость внесения изменений в сферу старых традиций была осознана представителями почти всех слоев тогдашнего общества. Но естественно и то, что в условиях классового общества не могло иметь место полное совпадение интересов. Об этом красноречиво свидетельствует и пример рода Гудушаури. Неопределенной позиции придерживалось и местное духовенство. Часть его не только сочувствовала населению, но и помогала ему по мере возможности, другая же часть стояла на пути явного сопротивления. На первых порах представители местных властей не уделяли должного внимания указанным вопросам, но настойчивое стремление населения Хеви в конце концов убедило их в полезности дела, и они стали заботиться о том, чтобы закрепить за этими решениями и постановлениями права официального документа.

Интерес вызывают практические результаты борьбы против вредных традиций, развернутой в Хеви во второй половине XIX века. Точные данные об этом отсутствуют, но тот небольшой фактический материал, имеющийся в нашем распоряжении, говорит о несомненной пользе проводимых мероприятий. Главным результатом явилось то, что народ окончательно убедился в необходимости борьбы против старых традиций. Всем стало ясно - отживший обычай сам по себе не исчезнет; проведение в жизнь решений по его искоренению тре-

бовало особой твердости, неуклонности и организованности в действиях. Указанные кампании мобилизовали общественную мысль. Старые обычаи явно сдали свои прежние, некогда непоколебимые позиции. Отправление таких обрядов теперь зависело лишь от индивидуального решения конкретной семьи, но не от воли общества, деревни или рода. Несмотря на это, целый ряд традиций все же продолжал действовать, хоть и в ощутимо видоизмененной форме; некоторые из них вовсе перестали существовать - большинство населения считало постыдным действием ритуальный унос еды с поминального стола домой; ощутимо сократились расходы, вызванные соблюдением некоторых традиций; полностью были отменены, а кое-где обрели весьма незначительные масштабы "дгиаисцели" и др.

Положительным результатом следует считать и накопленный в процессе борьбы опыт, который успешно использовался при разработке каждого очередного постановления, в чем нетрудно убедиться, сравнив эти документы. Авторы первых постановлений все надежды возлагали на принятие радикальных мер, мероприятия же последующего периода отдавали преимущество позиционной борьбе и т.д.

После ознакомления с эпизодами борьбы против традиций в Хеви, естественно заинтересоваться обстановкой, царившей в ту пору среди осетин долины реки Терека. Это оправданно и тем, что мохевцы из всех своих непосредственных соседей самые оживленные отношения поддерживали именно с осетинами, что и способствовало возникновению и распространению в их традиционном общественном быту множества сходных явлений. В предисловии к постановлению 1901 года С.Шадури пишет: "В Хеви как в окраинном уголке Грузии никак не укореняются грузинские обычаи и обряды, и мохевцы вобрали в себя порядки и обычаи тех народов, которые их окружают.

Таковыми являются кистинцы и осетины" /430/. Разумеется, автор в данном случае не совсем прав, но важно то, что составители известных решений специально отмечают сходство между обычаями осетин и грузин — мохевцев. Ознакомление с материалами, отображающими борьбу, проводимую среди осетин, интересно и с этнографической точки зрения. Они с особой очевидностью показывают сходства и различия, существующие в сфере традиций двух соседних народов.

Материалы, отображающие борьбу осетин против старых обычаев, в основном собраны на страницах "Иверии". Автором многих из этих публикаций является грузинский публицист Нестор Бакурадзе⁸. Судя по его статьям в исследуемый нами период указанное движение широко было развернуто и в Северной Осетии. Например, выясняется, что в 1879 году на весьма многолюдном сходе было принято решение, обязательное для всех "полевых осетин"⁹. Указанное постановление мало чем отличается от решений мохевцев, и разница эта, главным образом, вытекает из специфики местных условий. В первом пункте постановления перечисляются нацеленные на искоренение воровства мероприятия, согласно которым лицо, уличенное в краже, строго наказывалось /364/. Для успешного претворения в жизнь требований, сформулированных в этом параграфе, в деревнях был установлен надзор над сомнительными личностями.

Благодаря этим же постановлениям, ощутимо сократились рас-

8 Большинство статей этого автора подписано псевдонимом "грузин среди осетин" /169, с.89-98/.

9 Под таким термином, используемым в грузинской периодике XIX века, подразумевались осетины, живущие на равнинной части Северного Кавказа.

ходы, связанные с урвади и келехи /хотя они все же значительно превышали аналогичные расходы, установленные сходом мохевцев/, было запрещено устраивать поминальные скачки и др. Сведения об этом постановлении встречаем в корреспонденции, опубликованной лишь в 1887 году; там же дана и оценка периода, прошедшего после его принятия. Автор с сожалением отмечает, что вышеупомянутые ограничения не долго продержались среди осетин, и через год вновь обрели силу старые адаты и обачаи. Например, если кто-либо нес меньшие затраты, чем было установлено старыми похоронно-поминальными обычаями, односельчане начинали упрекать его - "Был бы ты хорошим человеком, не голодал бы твой покойник". Такой упрек оскорблял каждого, и дела стали идти по-старому", - пишет Н.Бакурадзе /364/.

В 1888 г. осетины - жители равнины - собрались повторно и приняли новое постановление, распространив его на всех осетин Терского ущелья /378/. Обращает на себя внимание тот факт, что во вновь принятом постановлении, по сравнению с предыдущими, предусматривались более радикальные, строгие, репрессивные меры наказания для нарушителей статей устава. Для обеспечения успеха его составители избрали путь административного воздействия. Так, если согласно первому постановлению вор должен был вернуть похищенные вещи с выплатой соответствующего штрафа, то согласно новому, неоднократно нарушавшие его запреты наказывались еще и 50-100 ударами розг. Размер калыма по статье нового устава не изменился, однако с целью усиления контроля за выполнением условий, дающий и получающий в присутствии старосты и нескольких выборных лиц должны были дать клятву в том, что один из них не даст, а другой не возьмет или не потребует суммы большей, чем это установлено обществом. Ранее осетинки отправлялись на помин-

ки, как правило, в сопровождении многочисленной свиты. По новому уставу приводить с собой более трех женщин воспрещалось. Постановление осудило и запретило любую форму похищения невесты. Был установлен штраф и за обращение к гадалкам и муллам с целью составления колдовских "списков".

На этом же собрании был создан народный суд горцев, призванный рассматривать кровные дела. В состав суда были избраны лица - знатоки традиционного быта и древних обычаев, вознаграждение которых возлагалось на самих осетин. Текст постановления, содержащий множество подобных вопросов, был утвержден начальником Терского уезда, генерал-лейтенантом Самекаловым. Таким образом, нарушитель указанных условий подвергался гонению и наказанию и со стороны властей.

Значительно раньше аналогичное постановление начинает действовать среди осетин на территории Картли. В 1886 г. в газете "Дроеба" была опубликована статья Георгия Лиахвели /литературный псевдоним Г.Чочилашвили/ /173, с.130/, в которой содержатся исчерпывающие сведения относительно обстоятельств принятия и содержания этого постановления /291/. В том же году старейшины и судьи сел, расположенных в ущельях Большой и Малой Лиахви, с общего согласия местного населения в селе Кошки, возле церкви св.Тевдоре, устроили собрание. После специального обсуждения было выработано постановление, направленное против древних обычаев. В документе, состоящем из 9 параграфов, затронуты многие стороны традиционного быта: свадьба, поминки, праздничные дни, кровная месть, развод и др. И здесь главным образом речь идет об ограничении расходов, связанных с традициями. Например, вместо установленного ранее урвади в размере 30-50 коров собранием была определена сумма 20-50 рублей; шаферов лиш-

ли права требовать подарки и др. Согласно древнему обычаю, родственники и близкие выносили из дома усопшего разные вещи, продавали их и собранные таким образом деньги тратили на устройство многолюдных поминок. Кошское собрание строго настроено запретило этот обычай.

Само постановление этого собрания несет очевидные признаки влияния церкви. И это не должно показаться неожиданным, поскольку в это время как в Северной, так и в Южной Осетии активно действовали представители Общества восстановления православного христианства на Кавказе, к числу которых принадлежит и автор упомянутой нами статьи.

Основной текст постановления был составлен в двух экземплярах: "Один был передан Ортевскому благочинному Соломону Канделаки, а второй - представлен члену Управления по крестьянским делам, статскому советнику Мамацашвили и начальнику Горийского уезда, подполковнику князю Эристави, которые сообщили об этом правительству /291/.

За выполнением этого решения следили представители местной власти, поскольку, согласно тексту постановления, лица, нарушившие его, наказывались в соответствии с Сельским уставом от 14 апреля 1865 г. Этот устав был разработан Управлением сельского общества для горцев южного Кавказа.

В сел. Кошки аналогичное постановление было принято и в 1875 г. Сведения об этом черпаем из письменного обращения того же Георгия Лиахвели к редактору "Дроеба" /1884 г./. Автор письма просит редактора газеты помочь в налаживании контакта со священником Канделаки, которому, оказывается, были переданы на хранение оригиналы постановлений, принятых в сел. Кошки в 1866 и 1875 годах: "Прошло несколько лет и некоторые осетины не сумели

отказаться от своих обычаев. Но теперь, когда кое-кто из них убедился, что эти обычаи приводят их к нищете, хотят найти то постановление и силой его запретить всем осетинам выполнение этих обычаев. Будем чрезвычайно рады, - пишет далее Лиахвели, - получить ответ священника - куда он дел эти постановления" /342/.

Жившие в Картли осетины, по всей видимости, не один раз составляли подобные документы. Сведение по поводу одного из них содержится в статье того же автора, опубликованной на страницах журнала "Мцкемси". Выясняется, что еще в 1886 г. в сел.Герри жители двух приходов /Чвриви и Ортеви/ решили между собою искоренить традиции типа калыма, сбора денег на устройство поминок и т.п.

По сравнению с горной Восточной Грузией на равнине указанная кампания осуществлялась вяло и не получала широкого размаха. Та форма борьбы, которая была принята в горных районах, в равнинных использовалась в гораздо меньшей степени. Здесь мы имеем в виду постановления коллективного характера. В горных районах вести такую борьбу облегчало наличие своеобразных условий. Именно они предопределили сравнительно организованный и коллективный характер проведения здесь мероприятий, направленных против старых традиций. Во второй половине прошлого столетия в высокогорных районах Восточной Грузии на характер общественной жизни все еще оказывали ощутимое влияние разнообразные пережитки общинного быта, полезное, в данном случае, свойство которых - прочное чувство коллективизма - определенным образом создало твердую основу для развертывания борьбы против устаревших традиций. Для иллюстрации достаточно вспомнить факт установления "камня проклятия". Жители Хеви, согласно древнему обычаю,

поставили "камень проклятия" нарушителю своего слова А.Кашвили за направленное против общины деяние. Это весьма интересный случай, поскольку популяризаторы новых элементов быта наказывают приверженца старых обычаев согласно древним же традициям. Знаменательно и то, что почти все собрания, где обсуждались интересные нас вопросы и выносились соответствующие решения происходили в традиционных местах общесельского схода: сабчео - Хеви, сапехио - Хевсурети, ныхас - Осетия /25I/; в сел. Степанцминда такая площадка была устроена при Гергетском монастыре св.Троицы; в сел. Кошки /ущелье Большой и Малой Лиахви/; во дворе церкви св.Тевдоре и т.д.

В равнинных районах положение было иным. Несмотря на то, что традиции этого ряда продолжали бытовать и здесь, они уже не обладали прежней силой. Общинные связи постепенно утрачивали свою значимость. Поэтому формы социального контроля, которые в этой борьбе оказывали горцам, можно сказать, добрую службу, здесь почти отсутствовали, а если и существовали, то были лишены реальной, действенной силы. На равнине их полностью заменил государственный надзор, и постольку борьба с пережитками уже не зависела только лишь от инициативы народа. Именно это было одной из причин, что осуществление намеченных народом мероприятий здесь особенно затягивалось, поскольку служащие государственного аппарата, как правило, относились к таким начинаниям с полным равнодушием.

Безусловно, не только эти причины обуславливали меньшую интенсивность борьбы с традициями в равнинных районах Восточной Грузии, однако, очевидно, что указанное обстоятельство сыграло все-таки определенную роль. Следует принять во внимание еще один момент. Власть старых традиций в горах, можно сказать, была без-

раздельной. Они направляли всю общественную и хозяйственную жизнь горцев, и постольку занимали особое место в местном быту.

В этом отношении равнина была более свободной. Несомненно, древние традиции и здесь играли определенную роль, но они уже давно утратили значение обязательной нормы поведения. Несмотря на это, борьба с вредными пережитками велась активно и в Картли-Кахети. Страницы журналов и газет донесли до нас несколько интересных сведений. В газете "Иверия", в постоянной рубрике "Поселки и деревни", в 1900 г. была опубликована анонимная корреспонденция, которая знакомит читателя с проведенным в сел.Патардзеули собранием. Здесь, как и в других уголках Грузии, предметом широкого обсуждения выборных представителей сел стали бытовые традиции. В результате обсуждения было принято соответствующее постановление: "... поскольку все знаем, когда будет свадьба и можем заранее подготовиться к ней, а когда кто умрет знает едино только бог, поэтому мы запретили "шабаши" и учредили шесацирави" /428/. Как видим, в данном случае жители Патардзеули, отвергая один вредный обычай, открывали путь другому.

В прошлом веке гадасахурави имело не только противников, но и защитников, и, по-видимому, опубликованные ими статьи оказали определенное влияние на составителей постановления. Примеру Патардзеули последовали и другие деревни Кахети. В последующих номерах "Иверии" речь идет об аналогичном решении жителей сел.Бертубани /429/.

Борьба с отжившими традициями велась наиболее активно там, где те или иные обычаи наносили особенно большой материальный ущерб трудящемуся люду. Ярким подтверждением тому является Западная Грузия. В 60-70-е годы прошлого столетия значительно участились публикации критических статей, присланных из этой части Гру-

зии. Эти материалы свидетельствуют, что здесь постепенно приступили к пересмотру бытующих в то время бесполезных обычаев и интенсивно готовились к проведению мероприятий по их искоренению.

В 1871 г. в "Иверии" была опубликована статья Мамии Гуриели "Добрый пример". В ней описываются похороны супруги Иесе Гуриели. Как считает автор, в Грузии это были первые похороны по-европейски. Здесь, вопреки обычаю, "никто не рвал на себе волосы, не было и истошных криков". Поэт довольно подробно останавливается на заслуживающих порицания древних обрядах оплакивания покойников, а в заключение призывает читателя поддерживать эту новую форму обряда /296/.

В 1879 г. на страницах "Дроеба" была опубликована корреспонденция из сел.Басилети. Ее автор также считает, что существующие обряды оплакивания, бесполезные расходы на поминки представляют собой обременяющие народ обычаи и призывает односельчан отказаться от них /313/. Аналогичного содержания статья была опубликована в "Иверии". В ней речь идет о празднике, устроенном в церкви архангела сел. Бахви /420/. Местный корреспондент в деталях описывает что происходит в деревне, во что обходится каждой семье гостеприимство - прием пришедших издалека родных и знакомых и т.д. По его словам, обременительность обычая бахвийцы осознали уже давно, местные князья Кикодзе попытались даже отменить этот праздник, однако даже несколько сельских собраний не сумело решить этот вопрос положительно.

С 1897 года в Гурии, да и во всей Грузии вообще, усиливается борьба с древними традициями. В газете "Цнобис пурцели" опубликован не один десяток статей, отражающих этот период /513; 515; 521/. В каждой из них после критики того или иного обычая

находим сведение о принятии нового решения. Например, в сел. Нигоети было составлено постановление, согласно которому запрещалось собирать деньги на вспомоществование для расходов на поминки. Однако, если семья была не в состоянии нести расходы на похороны, односельчане брали на себя обязательство оказать ей необходимую помощь /511/. Последующая корреспонденция из того же села сообщает, что после постановления одна из семей не устроила традиционных поминок по своему покойнику /515/.

Из опубликованных в журналах и газетах материалов узнаем, что почти каждая деревня эти злободневные вопросы решала по своему, да и сами постановления имеют индивидуальный характер. Например, в сел. Дзимити было принято решение поминки устраивать только для гостей из отдаленных мест; кроме того, участники собрания высказали желание, чтобы с собранного гадасахурави взималась определенная /в каждом отдельном случае/ часть, которая в дальнейшем должна была расходоваться на нужды деревни /522/ и т.д.

Несмотря на коллективный характер постановлений, в этой борьбе, как видно, большое значение придавалось личному примеру. Понимая это, редакции журналов и газет охотно печатали на страницах своих изданий подобные материалы, широко пропагандируя тем самым даже единичные случаи отступления от древних традиций. Вот несколько примеров: у коренного жителя сел. Лихаури Гиго Цецхладзе погиб сын. Не взирая на тяжелую потерю, этот человек сумел не поддаться чужим советам и не устроил поминки согласно древнему обычаю. 150 рублей, которые он должен был потратить на траурное застолье, были им переданы сельской школе /510/. В это же время, оказывается, получил распространение обычай: человек, находящийся на смертном одре завещал своим близким не оплакивать

его "по-старинному". Подобный случай описан в одном из номеров "Цнобис пурцели" 1897 года. Житель сел. Микелгабриели, лицо духовного звания Эраст Кечакмадзе завещал родным: "Не срамите меня, когда умру, не устраивайте традиционного оплакивания". Наследники выполнили завещание, но, по словам автора, сторонники древних обычаев еще долго судачили в деревне: "Ну, на что это похоже, ведь на его похоронах по крайней мере пятьсот человек должны были напиться..." /522/.

Для иллюстрации подобных случаев приведем опубликованную в 1883 г. в "Дроеба" коротенькую статью, комментарии к которой принадлежат редакции газеты: "Посещение похорон в сопровождении асабии /свиты. - В.Ч./ и плакальщиков, чрезмерные возлияния на свадьбах и бравирование оружием, нанесение ран, иногда даже со смертельным исходом, привычное явление в Западной Грузии. В некоторых случаях за этим следует столько неприятностей и расходов, что, оказывается, частные лица намерены искоренить это явление, заключив соглашение между собой. Мы получили один такой договор, который заключили между собой четыре брата Чинчаладзе. Они просят обнародовать его в надежде, что их примеру последуют и другие.

Вот параграфы этого соглашения:

- "1. Ни к каким родственникам не будем брать с собой асабии и плакальщиков в голос; не должны приводить их к нам и наши родственники.
2. Обязуемся по приглашению ходить на похороны ко всем, присутствовать на панихидах, вносить свою долю денег на покрытие расходов, а также, если требуется, доставать провизию; как мы другим, так и другие нам.
3. В наших семьях отныне не будем устраивать поминок, ни

на седьмину, ни на сороковину, ни в годовщину.

4. Поминать душу покойника будем так, как это велит духовный закон.
5. Всех наших родственников, друзей и соседей ниже про-сим не приглашать нас ни в качестве свиты, ни в качестве плакальщиков, на что вынуждены будем дать категори-ческий отказ.
6. Объявляем также всем, если будем кому-то нужны в качест-ве шаферов на свадьбах и нас об этом попросят, мы можем уважить их просьбу, но если число шаферов будет больше пяти, то сопровождать жениха мы никоим образом не можем.
7. В нашем доме ни себе, ни нашим гостям никогда не разре-шим пить допьяна, поскольку от опьянения проистекают ссоры, оскорбления, ненависть, нанесение ран. Откажемся также от чрезмерных, бессмысленных расходов.
8. Не будем праздновать и те дни, которые не записаны в ду-ховный закон, т.е.: кохис-джвроба, элвис-джвроба, мареш-лоба, тагв-мариоба и другие им подобные".

Это странное письмо убедительно свидетельствует о том, как силь-но обеспокоены жители Западной Грузии различными неуместными рас-ходами, что не постеснялись даже некоторых очевидно смешных пунк-тов, а в самом начале соглашения написали: тот, кто нарушит эти ус-ловия, должен будет выплатить в пользу остальных братьев 200 рублей штрафа. Представьте, как трудно будет братьям осуществить контроль за выполнением хотя бы этой статьи: "...ни себе, ни нашим гостям никог-да не разрешать пить допьяна...", или же какого ученого назначат они экспертом для выяснения, г-н Клеопа Николаевич, либо Вене-дикт Николаевич Чинчаладзе слегка подвыпившие, навеселе или пья-ны; или после какого по счету стакана он должен платить осталь-

ным братьям установленный штраф" /341/, - заключает с иронией комментатор газеты.

В 1899 г. в Гурии был создан "Кружок по искоренению обряда оплакивания в голос покойников". Члены кружка проводили широкую агитационную работу /529/. В этот же период оплакивание покойника с громкими причитаниями запретили во многих деревнях Гурии, Мегрелии и Имерети /Акети/ /427/, Абаша /520/, Кулаши /297/, Рквиа /524/, Квитири /518/, Шорапани /490/, Схвители /306/ и др. /509/¹⁰.

На страницах прессы, кроме посвященных таким конкретным мероприятиям писем, публиковались материалы, в которых критически обсуждались действующие в том или ином уголке Западной Грузии традиции. Такие статьи публиковались главным образом с целью воздействия на широкие круги читателей. В подтверждение сказанному можно выделить следующие две статьи из серии публикаций Т.Атмеладзе: "Похороны с цасабурави в Гурии и Мегрелии" и "Несколько слов о свадьбах с подношениями в Гурии и Мегрелии" /525-528/.

С течением времени в Западной Грузии была подготовлена почва для составления постановления, обязательного для всего региона вообще, однако ввиду существующих в прошлом веке условий созвать необходимое для принятия решения собрание по инициативе трудящихся было невозможно. Этим воспользовалась церковь и сама начала проявлять заботу о таком постановлении. Духовен-

¹⁰ Здесь же следует отметить, что великая княгиня Мегрелии Екатерина Дадияни в феврале 1856 г. издала приказ, направленный против "многих непорядков", где она осуждает и запрещает целый ряд обычаев и обрядов, заостряя внимание на тех из них, которые касаются обручения и бракосочетания малолетних /184, с.802-804/. Эта традиция была объявлена незаконной еще в эпоху Давида Строителя /1073-1125/ /206, с.117; 167, с.10-11/.

ство, как отмечалось выше, активно участвовало в борьбе против ветхих традиций, однако все его усилия прежде всего были направлены на защиту интересов и усиление влияния православной церкви. И все же вклад духовенства в борьбу, проводимую прогрессивной частью общества, значителен. В таких журналах, как "Сакартвелос сасулиеро махаробели" и "Мцкемси" на протяжении нескольких лет с завидной регулярностью печатались статьи, направленные против старых традиций. Безусловно, эти статьи несли на себе печать православной церкви, ~~но~~ но их положительная роль в мобилизации общественного мнения против отживших традиций несомненна. Имеретинский епископ Гавриил в 1893 г. составил проект упомянутого постановления, которое после соответствующего рассмотрения должны были распространить в Имерети, Гурии и Мегрелии /491/, однако, его смерть помешала осуществлению этого замысла. Наконец, в 1901 г. было принято постановление, вступившее в силу в том же году. Автором был новый епископ Имерети - Леонид. Несмотря на то, что мнения современников относительно постановления расходились, его принятие было значительным шагом вперед^{II}. Ряд авторов опубликованных статей твердо стоял на позициях последовательных сторонников проведения в жизнь подобных постановлений /492; 437/. Это было одним из последних значительных мероприятий, попытки осуществления которого начались в XIX в., а осуществить удалось лишь в начале нашего столетия.

После ознакомления с опубликованными на страницах грузинских периодических изданий статей, что позволило нам с большей

II О развернувшейся вокруг этого вопроса полемике см. 433; 434 .

или меньшей полнотой представить общую картину борьбы против вредных пережитков и старых традиций во второй половине XIX в., можно сделать некоторые обобщающие выводы.

Борьба между старыми и новыми традициями, их противопоставление во второй половине XIX в. становятся интенсивными. В Грузии этого периода наблюдалось столкновение двух формаций: феодальной и капиталистической. Социально-экономические изменения, естественно, подготовили почву, необходимую для сдвигов в идеологической сфере. Именно в это время началось широкое наступление против устаревших обычаев и вредных пережитков. Движение, в котором приняли участие почти все слои общества, охватило всю Грузию. Во главе и этой кампании стояли представители поколения "тергдалеулни". Борьбу обостряло и то, что в тогдашней Грузии постепенно набирало силу национально-освободительное движение, в котором особое место занимала пропаганда самобытной национальной культуры. Критики старых традиций стояли перед сложной проблемой: им поневоле приходилось осуждать и высмеивать те обычаи и обряды, которые на протяжении веков считались органической частью национальной культуры. Поэтому, по возможности, все внимание демократов было сосредоточено на выявлении и осуждении безусловно устаревших и вредных элементов традиционной соционормативной культуры и, одновременно, сохранении и популяризации подлинно национальных, продуктивных элементов старых обычаев и обрядов.

Самой определенной и непоколебимой точки зрения придерживались основная масса непосредственных носителей этих самых традиций - трудящееся крестьянство; мало интересующееся социально-политическими аспектами вопроса, оно прежде всего боролось за достижение практических результатов. Это хорошо видно из множества

самых разнообразных постановлений и решений, принятых в прошлом веке сельскими сходами. Единодушие наблюдалось лишь при решении вопросов, касающихся обычаев семейного быта. По инициативе народа не было принято ни одного постановления, направленного против местных традиционных праздников.

Конечно, не все осуществленные во второй половине прошлого столетия мероприятия по борьбе с вредными пережитками находили отражение на страницах прессы. Поэтому, если какой-либо уголок Грузии в этом отношении и был обойден вниманием со стороны газет и журналов, это ни в коем случае не может служить доказательством отсутствия там борьбы с вредными обычаями и обрядами. В таких случаях следует обратиться к другим источникам. Приведем один заслуживающий внимания пример. Множество опубликованных в прессе статей посвящается критическому рассмотрению обычаев, распространенных в Мескет-Джаваheti, но установить при помощи газетных материалов, было ли там принято соответствующее постановление, не удалось. Однако это не означало, что в этих уголках Грузии такие постановления не принимались. И наше предположение подтвердилось. К статье С.Хоситашвили "Свадебные обряды в Мескет-Джаваheti" /И61, с.192-194/ приложен один документ из фондов Ахалцихского краеведческого музея, так называемое "договорное письмо", из которого явствует, что в 1881 г. жители сел Уде, Арли и Вале составили "Общее правило проведения бракосочетания" и точно определили расходы на него. Немало аналогичных документов, вне всякого сомнения, хранятся и в других музеях и архивах нашей республики.

Например, с помощью архивных материалов удалось установить, что проблема старых обрядов и обычаев стала актуальной для жителей Оестии гораздо раньше, чем это видно из материалов прессы.

Ниже приводим выдержки из некоторых дошедших до наших дней со-
ответствующих документов¹². Они содержат многосторонне интерес-
ную информацию, особенно об отношении властей к этой злободнев-
ной проблеме и о практическом сотрудничестве правительственных
чинов с духовенством, т.е. о вопросах, о которых составить пре-
дставление по публикуемым в печати материалам нет возможности.

Первый документ датирован 17 января 1843 года. Он являет-
ся подлинником рапорта Осетинского Окружного Начальника поручика Смиттена Грузино-Имеретинскому Гражданскому Губернатору генерал-майору Скалону А.А.¹³.

12 В фондах Центрального исторического архива ГССР хранится то-
лько часть канцелярских дел Грузино-Имеретинского Гражданско-
го Губернатора /262/. Другая часть документов была утеряна
во время эвакуации правительственных архивов на Северный Кав-
каз /г.Ставрополь/ в 1914 году. По этой причине мы лишены
возможности представить в данной работе аналогичные материа-
лы и по другим уголкам Грузии. Тексты приводим без каких-ли-
бо изменений. Многоточием обозначены нечитаемые слова руко-
писей. На эти документы наше внимание обратила Н.Г.Волкова.

13 До 24 октября 1842 года 1-ый /Северный/ и 2-ой /Южный/ Осе-
тинские участки подчинялись Окружному управлению Горских на-
родов Грузино-Имеретинского Гражданского Губернатора. Рези-
денция Главного начальника управления, подполковника Авало-
ва, была расположена в урочище Квешети /Мтиулети/. Из-за бо-
льшой отдаленности осетинских сел и плохого состояния дорог,
особенно в зимнее время, по предположению Авалова, Главнору-
правляющий Закавказским Краем Неидгардт А.И. отделил оба осе-
тинских участка от Горского округа и объединив их, создал от-
дельный Осетинский округ с центром в с.Джава /Южная Осетия/.
Первым начальником новосозданной административной единицы
стал бывший помощник начальника Ахалцихского уезда, поручик
Смиттен /263; 265/.

"Имея честь при сем представить в исполнение предписания Вашего Превосходительства /далее ВП. - В.Ч./ от 26-го ноября минувшего 1842 года за № 368-ым, копию с отношения Джавского Благочинного, Иерия Иоана Благодатова, о языческих и суеверных обрядах между Осетинами.... считаю обратить особое внимание ВП, во I-ых на обряд поминок, упомянутый в представляемой копии во 2-ом пункте под литерою Б.

Угощение, даваемого в честь покойника, не есть обряд языческий, сопряженный с каким либо религиозным пониманием или фанатизмом, а есть древний обычай, который исполняет каждой Осетин, чтобы доказать народу, что покойник ему был дороже всего, и что ему и памяти его он всегда готов все пожертвовать.

Чем пышнее, чем разорительнее была для Осетина, им сделанное, в таком случае, всенародное угощение, тем больше он имеет право на всеобщее выгодное об нем мнение.

Ни с чем не соразмерныя угощения эти, служат только пищею самолюбию Осетин, которые сами давно уже постигли неудобства и не выгоды подобного обычая, влекущего их в бедность и нищету, и от которого они не смели отступить единственно только по пред-рассудкам самолюбию, опасаясь больше всего упрека в равнодушии по умершим родственникам.

Усмотрев все это, с прибытия моего в Осетию, я в то же время строжайше запретил всякое мотовство при угощении, по случаю поминок и тому же поставил всему по этому предмету положительные пределы.

Сделанное мною запрещение имело самыя удовлетворительныя последствия, и доказало мне, что я не ошибся в своих соображениях, потому что Осетины при всем своем неповиновении, узнав только о сделанных мною постановлениях, относительно угощений

при поминках, прибегали ко мне, со всех сторон и с самым убедительнейшим образом просили о дозволении превышать постановления мои об угощениях. Этими убедительнейшими просьбами, на которые воспоследовали всегда, к душевному их удовольствию не умолимья отказы, они оправдывают себя перед народом, и единственный во всем виновный остаюсь один только я.

При этом случае явились..... первые между Осетинами, я полагаю, суждения и толки о должном и необходимом повиновении начальству.

Что Осетины сделанным мною запрещением душевно действительно совершенно довольны, я в том в полном убедился и отвечаю за то, что принятие полицейских мер /для собственного ограждения их от упреков/ в искоренении упомянутого обычая, никогда не будет причиною ни малейшего недовольства, ни же брожения или волнения в народе.

Кроме вышеобъясненного обычая, разоряющий совершенно весь народ, одной из самых главных причин, не только совершенной нищеты народа, но и всех, с нищетой вступлением в брак сопряженных последствий, есть покупка жен, с которыми они редко вступают в законный брак.

Осетин купивший себе жену и отдавая за нее не только все, что имеет, обыкновенно еще остается в большом долгу, и вступает со своей подругой на новое поприще жизни обремененный долгами, которых уплатить они считают в подобном случае священным долгом; но будучи ленив и к работе вообще мало склонен, он большей частью для уплаты долга обращается к хищничеству и воровству.

Семейный быт будучи не укреплен ни узами Религии, ни Церкви, не имеет ни какой святости, и к тому же он еще лишен всякого обобщенного счастья, потому что женщинам не представлен вольный вы-

бор мужей, которые им избираются единственно только серебрюлюбимом родителей.

Таким образом Осетины не имея решительно ничего, вступаая на поприще жизни, как я и выше сказал, и не найдя никакого счастья в семейном своем быту не могут иметь никакой никчему привязанности, почему и не дорожат своей жизнью и не имея ничего святого всегда готовы посвятить себя разбою и грабежу.

Принимая все вышесказанное в соображение, я необходимым нахожу всеми возможными средствами стараться возвысить и улучшить быт Осетин, и принять самые действительные меры к отвращению всего служащего к разорению их.

Нравственность и Религия будучи первой залог и первое основание всех высших и основных Правительственных видов, я необходимо считаю, относительно утверждения их, просить прежде всякое содействие Вышего Начальства. И потому и дозволяю себе здесь повторить просьбу мою, изложенную в рапорте моем к ВП, по оспенному Комитету от 14 декабря 1842 года за № 78-ым, коим я просил для оказания всякого возможного содействия миссионерам в проповедании между дикарьями слова Божья и вверенных им приходах назидая народ в вере и благочестии христианском, возложить на них первое введение оспопрививания между Осетинами, назначить обоим Миссионерам находящимся в вереном мне округе, каждому двойной оклад Вакценатора, не для вящего поощрения, а для необходимого вспомоществования, принимая во уважение скудное ими получаемое жалование.

Относительно уничтожения продажи дочерей родителями, я еще взял необходимыя решительныя меры, не спросив на это разрешения, но тем не менее однакож, прибегаю ко всем зависящим только от ме-

ня посторонним сим мерам ведущим к ним. Например, я всенародно объявил, что если женщина не вступила с покушником ее в законный брак, она вполне имеет право от него уйти, и его оставить, и что в таком случае незаконному мужу ея, никто из полицейских чиновников не вправе оказать какое либо содействие, в возвратном получении всего, или даже некоторой части заплаченного урвата. Женщина же, которая имеет намерение оставить незаконного своего мужа, необходимо должна сейчас же вступить в законный брак с другим.

Таким-же образом я стараюсь также уничтожить все наследственные права на женщине, потому что после смерти мужа, братья его, и весьма часто, и отец из экономии, дабы не покупать себе жен, распространяют на них права покойного мужа.

Одним словом, продажа женщин, во всяком отношениях, есть корень всякому злу, и всякому беспорядку, совершенной безнравственности народа; а потому и я остаюсь в ожидании по сему предмету дальнейшего распоряжения и предписания ВП.

Действительная, и с тем вместе благоразумная мера для прекращения продажи жен, сопряженная с подробным рассмотрением обстоятельств при всякой жалобе, возникающей по продаже или покупке женщин, ни в каком случае никогда не произведут никакого волнения в народе; потому что число таких, которые прекращением всякой продажи женщин будут чрезвычайно довольны будет несравненно больше. Женщины вообще, и все молодые люди, желающие вступить в брак будут весьма довольны, одни только старики, которые могут быть уже рассчитывали свои доходы долженствующие поступить от продажи своих дочерей, одни только, не совсем останутся довольными.

Перелом этого обычая, будучи во всех отношениях, необходим, как для собственного счастья народа, ровно и для выших правитель-

ственных видов, я нахожу необходимым всякое безотлагательное по сему предмету решительные действия ведущие желаемой и совершенно необходимой жизни.

Для постепенного уничтожения обычая продажи и покупки жен, я между прочим разрешил родителям продовать своих дочерей, с тем только, чтобы весь урват поступал в пользу дочерей, на место приданого, и дочерьям я дозволил, в таком случае уделить из урвата, по усмотрению своему, подарок родителям.

Окончательно я присовокуплю, что неимоверному разврату и совершенной безнравственности между Осетинами, более всего причина, перепродажа жен и наследования на них права, ближайших подственников мужа, коих необходимо должно совершенно искоренить, без всякого снисхождения.

Наконец я считаю долгом еще обратить особенно внимание ВП на обычаи, в отношении отца Иоанна не упомянутых. На обычай мщения за кровь убитых родственников и даже давно уже предками убитых.

Обычай этот, будучи одна из главнейших причин, всех мщением и самоуправством сопряженными преступлениями, влекущая в последствие в бездну других, я полагаю, для решительного искоренения этого обычая принятие следующих, самых действительных мер.

Во I-ых вообще народное прощение происшедших преступления.... от мщения за кровь.

Во 2-ых торжественное объявление с колокольным звоном в церквях, что на будущее время, за всякое откупательство от мщения крови, и за малейшее угрожение мщением за кровь, будет с виновным поступлено, на равне как с поджигателями на основании существующего Высочайшего повеления" /268, с.I-5/.

К рапорту приложена копия послания джавского благочинного

И.Благодатова окружному начальнику, от 21-го декабря 1842 года.

"Отношением от 5-го Декабря сего года за № 30-ым просили Вы доставить Вам сведение относительно языческих обрядов между ново-крещенными Осетинами; следствие чего сим почтительнейше честь имею известить Ваше Высокоблагородие.

1-ое/ Замечено между ново-крещенными Осетинами самое грубое, суеверное обыкновение, - именно: резать козла, или другое что перед Новым годом, в умилоствление домашнего духа, дабы он благодетельствовал им; - т.е. не покушался бы на их здоровье и жизнь, - на их скот и все домашнее обзаведения.

2-ое/ а/ По смерти кого либо из домашних, они обыкновенно бьют себя в лоб плетьюми, царапают лица в доказательство сильной любви своей к покойному, кладут ему хлеба, ставят в ноги зеркало, в голову вино или араку, весь, если мужчина, боевой снаряд, и все к чему в жизни имел пристрастие, и водят около его снаряженную лошадь, для того все это /говорят они/, что бы на том свете на первый раз не показать себя бедным-нищим; а лихим, смелым и отменным наездником, пренебрегающим всякого рода помощью. Здесь неизлишним присовокупить из того что идея хищничества грубый и почти неискоренимый породили в душе их предрассудок, с которым умирая думают и в будущей жизни, так сказать, погарцевать.

б/ В воспоминание умерших родственников своих собравшись, делают куклы, на коих смотря; легко можно узнать сколько у них померло мужчин, и сколько женщин; они куклы означающие мужчин, обыкновенно наряжают в чоху, с боевым снарядом; женщин в женский; сидя около них заунывно плачут, по временам обращаясь к Богу, как бы испросить покойникам лучшей участи; после начинается пиршество, для которого режут сто или более скотин; иногда

меньше смотря по состоянию, делают скачку за положенную награду; здесь все так сказать пожирается состояние Осетина. Это называется поминками.

3-е/ Совершать браки порядком установленным Церковью они не легко соглашаются; по пристрастию к многоженству, из них некоторые имеют двух, трех и более жен смотря по состоянию; а нередко встречаются и бедный имеет двух. В таком случае они походят на Магометан. Из них не только холостые, и женатые берут за себя жен умерших братьев своих, не желая чтобы пропало что они заплатили за них. Покупка жен чрезмерно дорога. Платят 100 или более коров, это составит полагая одну в 5 рублей серебром, 500 и более рублей серебром. Всматриваясь в их женитьбу, невольно присовокупляю, что они ужасно разоряются и, можно сказать бедствуют в жизни. В них семейное согласие не имеет места, не говоря уже о расположенности жен к мужу и наоборот; от чего разврат в высшей степени, как между мужчинами, равно и женщинами. Чтоже после этого можно ожидать от них? Разумеется, что всегдашних воров, лихих, удалых и отменных головорезов, - людей совершенно без нравственности. На этот предмет Миссионеры обратили свое внимание; но закоренелость Осетин в их обычаях, не дало возможности успешно ввести им христианский брак, который смело могу сказать, большое бы имел влияние со временем на их нравственность.

4-ое/ Ежели нужно узнать правду, Осетин клянется небом и землею, и всем что по видимому для него свято; ему верить невозможно; покажи ему кошку или собаку и допрашивая его, в таком случае он откроет свою истину, хотя это было бы сопряжено с величайшим для него вредом, даже смертью. В этом обнаруживается языческая, кажется идея о божествах.

И 5-ое /наконец/. Они имеют обыкновение убивать собак на могилах тех покойников, с родственниками которых имеют вражду, например: чтобы получить сомнительный иск, кредитор ведет собаку на кладбище, должник уже с трепетом совершенно потерявшись от страха возвращает ему все должное; но отнюдь не допустит убить собаку. Причина этого имеет начало, кажется так же в идее о языческих божествах; хотя Осетины и говорят, что это послужит пищею на том свете покойникам того, кто довел до такого поступка.

Более этагоже, ни чего не могу прописать для сведений ВВ по неимению случая лично видеть других их грубостей, в коих они тщательно кроют от Миссионеров" /268, с.5-7/.

Упомянутое в раппорте Смиттена предписание не удалось обнаружить в архиве, но характер цитируемых документов и содержание сопутствующей официальной переписки делает возможным связать эту область деятельности местных властей с секретным предписанием министра внутренних дел империи грузино-имеретинскому гражданскому губернатору. Это письмо было подготовлено вторым отделом иностранных исповедований департамента духовных дел министерства, и на основании "высочайшего повеления" обязывает всех начальников тех губерний, где проживали "ново-крещенные язычники", "что бы они наблюдая за не допущением новокрещен к совершению обрядов языческих, обращались в подобных случаях к Епархиальным Начальникам, для зависящего с их стороны подтверждения духовенству всемерно стараться заменить языческие обряды установленными Церковью молебствиями, к вящему утверждению новокрещен в правилах веры Христианской" /265, с.1-2/.

Как стало известно из канцелярской приписки, на основе

этого секретного приказа были составлены и разосланы предписания "для надлежащего исполнения" начальникам Тушо-Пшав-Хевсурского, Горского, Осетинского округов, а также Эриванского уезда. Из рапорта Смиттена видно, что еще до получения упомянутого указания, за неполных четыре месяца со дня вступления в должность окружного начальника он развил бурную деятельность на истребление "языческих обычаев" среди осетин. Такая самостоятельность насторожила вышестоящее начальство и было решено охладить пыл ретивого чиновника специальным посланием.

Поблагодарив Смиттена за проявленное им служебное рвение и весьма похвальные намерения, губернатор в посланном ему конфиденциальном письме писал, что тем не менее он не может одобрить сделанные окружным начальником распоряжения, ибо в случае осетин, т.е. народа "грубого и благоволяющего только перед обычаями их предков, они слишком решительны и даже опасны. А посему к отвращению могущих быть неблагоприятных последствий, я нужным нахожу, чтобы Вы теперь же остановились в своем предприятии и отменили принятые уже меры". Для постепенного достижения цели, губернатор настоятельно рекомендовал Смиттену обратиться к методу "убеждений и кротких увещаний", в чем ему всяческую помощь будут оказывать представители местного духовенства. Строго запрещая впредь принимать какие нибудь решительные меры без предварительного на них разрешения, губернатор обязал окружного начальника регулярно делать соответствующие донесения, "присовокупляя к ним собственное мнение", о том - какие средства могут лучше способствовать постепенному "удалению осетин от язычества и вящему утверждению их в правилах Христианской веры" /268, с.8/.

Вскоре экзарх Грузии Евгений Бажанов получает официальное

письмо от А.А.Скалона. В нем губернатор знакомит предводителя духовенства с содержанием рапорта осетинского окружного начальника и просит обязать определенных в этот округ миссионеров "всемерно стараться заменить языческие обряды у осетин установленными Церковью молебствиями" /268, с.10/. Получив от экзарха такие заверения губернатор информирует об этом Смиттена /268, с.12/. Последний 2 апреля 1843 года направляет Скалону обстоятельное донесение, в котором старается доказать правомерность принятых им решений.

"Рапортом от 17-го прошлого Января за № 24, я счел обратить внимание ВП на три обычая Осетин, противных не только Христианской Религии и основным Правительственным видам, но и самим законам гражданским, будучи сопряжены с преступлениями уголовными; а потому считаю обязанностью, вследствие Вашего предписания от 4-го Февраля за № 1430 /подразумевается предыдущее послание губернатора. — В.Ч./, по сему предмету вновь взойти с представлением, для совершенного удостоверения ВП в решительной необходимости, принять для искоренения их, надлежащая и благоразумная Полицеския меры, которая разумеется, само сабою, не должны быть крутыя, но тем не менее действительныя. Одни меры убеждения с народом как Осетины, слишком недостаточны, и никогда не увенчаются желаемым, и во всех отношениях совершенно необходимым успехом".

Далее Смиттен предоставляет губернатору дополнительную информацию об этнографическом быте округа и препровождает характеристику элементов традиционной культуры осетин любопытным документом, свидетельствующим о негативном отношении самих местных жителей к одному роду ветхих традиций.

"Я имею честь обратить внимание ВП на нижеследующие обы-

чай, - продолжает он.

Во I-ых на обряд поминок. В отношении этого обряда, не присовокупляя ничего к сказанному мною, вышеупомянутом рапорте за № 24, я здесь только прилагаю верную и буквальную копию, с прошения поданных жителями деревни Мсхлеби /нынешний Джавский р-н Юго-Осетинской АССР. - В.Ч./ в 1839 году, бывшему в то время Осетинскому Главному Приставу и мною найденную в старых делах Управления I-го Осетинского Участка. Эта самая просьба, неоднократно многими словестно и мне была повторена, и я ныне опасаюсь произвести ропот между Осетинами, не за принятие по сему обычаю Полицейских мер, но за ослабление таковых, в следствие предписания ВП за № 1430.

Во 2-ых на продажу женщин. Все недуги последствия разврата в высшей степени, происходящая от невступления в брак, и более всего обнаруживается, сифилистической болезнью, убедили уже давно народ, душевно в необходимости преобразования самих обычаев и в этом отношении. И если Осетины, как ВП изволите полагать благоговеют и перед этими обычаями, то ни в коем случае не более как всякий безнравственный человек преданный страстям, пред своими пороками. Покупка же и продажа женщины, не сопряжена ни с каким либо религиозным фанатизмом, с другой стороны самое человечество требует в отношении прекращения продажи женщин, принятия Полицейских мер; потому что при диких и зверских чувствах Осетин, не редко встречается что родители продают 12-ти, 10-ти иногда же 8-ми летних дочерей, мужчинам совершенного возраста, которые без всякой пощады растлевают несчастных им проданных жертв.

Последствия подобного изверства, состаривают и подвергают преждевременно, вечно-болезненному состоянию, большую

часть Осетинок.

С прекращением покупки и продажи женщин, прекратятся сами собою и все наследственные права ближайших родственников мужа и тогда братья и отцы, не будут распространять на вдов всех прав, покойных мужей их; яснейшее доказательство совершенного отсутствия, всякой нравственности и высшей степени неистовства Осетин.

Перед обычаем покупать женщин, Осетины благоговеют; что я и выше сказал, только как всякий безнравственный человек благоговеет перед необузданными своими страстями и пороками, а потому принятие мер родительских полу полицейских, я нахожу совершенно необходимым для прекращения этого обычая разоряющего народ и вовлекающего его в неисчислимые преступления и недуги" /268, с.13-14/.

Несмотря на строгое предупреждение Смиттен продолжал активно отстаивать занятую им позицию. Глядя на обряды и обычаи осетин сквозь призму буржуазной системы культурных ценностей, он как и его коллеги то и дело "обнаруживает" все новые "ужасные грубости" и противозаконные действия, изжить которые, по глубокому его убеждению, можно было только решительными принудительными мерами. Не зная, как и большинство его современников, объективных закономерностей развития народной культуры и видимо, следуя весьма популярной народоведческой концепции, об особой роли в истории нации "духа народа" /30/¹⁴, он вкуче с начальством считал рассматриваемые стороны общественной жизни осетин не результатом стадияльного уровня развития общества или типологическим своеобразием данной культурной традиции, а порождением лишь каких-то изначально присущих черт психологи-

¹⁴ О развитии этой концепции буржуазным народоведением и фольклористикой см. /17, с.118-123; 36, с.182-183; 59/.

ческого склада этого народа¹⁵.

Таким выводам в определенной степени способствовал и личный опыт чиновников, накопленный наблюдениями за жизнью вверенных им для управления народов, среди которых многие "противозаконные действия" /т.е. распространенные среди кавказцев такие нормы и институты, как покупной брак, умыкание, полигиния, левират, наложничество, ритуальные формы снохачества или гостеприимного гетеризма, кровная месть и связанная с ним сложная система композиции, военные грабежи, данничество, заложничество, самосуд и саморасправа, остракизм, а также во многом чуждые людям получивших европейское образование элементы этики, морали, этикета, кодекса чести, чрезмерное гостеприимство, престижные пиры, многолюдные поминки, многочисленные ритуальные трапезы, существование весьма своеобразных форм трудовой, материальной и церемониальной взаимопомощи, платных плакальщиц, разнообразных объектов культа и т.д./ имели противоположный статус. Основная масса местных жителей не видела в них ничего дурного. Не имея возможности и, естественно, соответствующего указания, чиновники типа Смиттена старались все объяснять лишь дурными наклонностями народа. В этом же духе продолжал свои рассуждения окружной начальник и о других традициях местных крестьян.

"В 3-их, на обычай кровомщения. Один он только сопряжен с некоторым фанатизмом, тем не менее однакож преследуется всей строгостью законов, с самого поступления края в поданство Рос-

¹⁵ Подобные установки возникали сплошь и рядом до выработки наукой метаязыка для типологического описания культур /40/.

сии, будучи сопряжен с смертоубийством и другими важнейшими уголовными преступлениями.

При принятии благоразумных мер к прекращению вышеупомянутых обычаев, противных законам Гражданским, равно и законам Религии Христианской, я лично отвечаю за то что спокойствие края тем никогда не будет нарушено.

К числу мер, которыя я нахожу в таком случае самими удобнейшими, считаю устройство особенной Комиссии, состоящей из нескольких самых почетных и самых нравственных жителей, и нескольких духовных лиц, под председательством моим. Не давая положениям обратную силу, Комиссия обеспечивая будущность, решала бы дела происшедшия по обычаям края, в котором с древних времен существовал впрочем только один закон, святоисполнимый - закон право сильного. Во всех же затруднительных случаях Комиссия имела бы честь о всем доносить ВП и его Высокопреосвященству Экзарху Грузии" /268, с.14/.

Вместе с рапортом Смиттен представил на рассмотрение губернатора еще два документа с которыми ознакомимся ниже. Первый - "Перевод с прошения общества Селения Мсхлеби от 10 февраля 1839 года к Господину Осетинскому Главному Приставу Капитану Васильеву".

"Доведены мы до крайней бедности обязуемся сим обязательством, чтобы ВВ изволили отвратить обычай существующий между Осетинами, в богоугодных случаях. Во время похорон мертвых, собираются из деревень жители, во множестве, без приглашения хозяев, через что наносят каждый раз, большия издержки и последнее свое состояние, какое только имеют употребляют в один день, а дабы искоренить между нами, этот гибельнейший обычай, употребите на этот предмет Ваше покровительство, потому все

покорнейше просим ВВ приказать чтобы во время похорон, или величания не мог без особенного приглашения хозяина, никто явиться к нему в дом; в случае кто не исполнит сего условия между нами, то представьте нам право взыскать с ослушника штраф, по одной корове, в пользу Вашу, как местного Начальника, и в пользу приходского Священника: если приглашенные начнут во время поминок делать шум, крик и не удовольствия, то по с них должен взыскать штраф. Предприятие это должно послужить, не только на память жителям, но даже будут для их страха, в чем прикладываем руку, почетные Мсхлебские жители 12 человек: Гете Цховребашвили, Мосе Шиукашвили, Гаджи Цховребашвили, Темо Цховребашвили, Ковдина Косарашвили, Наога, Гогича, Бато и Залика Цховребашвилевы, Била Упошвили, Кечо Джапоришвили и Бабила Тангошвили" /268, с.17-18/.

Второе прошение составлено уже в 1843 году.

" Прибывшие из 2-го Осетинского Участка жители Нарского, Зромагского и Зрогского Ущелий в виде депутатов от всего общества вышеназванного участка, а именно: 1. Помощник участкового заседателя 14 класса Габриел Хетагуров, 2. Тига, 3. Темрико, 4. Левана Хосроев сын, 5. Леван Елберано сын Хетагуровы, 6. Георги Турнача-Швили, 7. Дагистан Балашвили, 8. Гибила Джанашвили, 9. Абел Гиошвили, 10. Хосро Гагишвили, 11. Джамаспа Деидашвили, 12. Сосо Хасишвили, 13. Тома Казашвили и 14. Те Сипошвили

Просят: 1. Составить Комиссию под председательством Окружного Начальника из духовных особ и почтенных жителей, которые бы старались искоренить у жителей обычай делать поминки по умершим, так это крайне разорительно родственникам умершего, которые должны для угощения собирающегося на этот раз множества

народа, употребить от 20-ти до 30 штук рогатого скота, до 60-ти баранов, более 30 ведер водки, до 80 ведр пива, 10 четвертной хлеба и другие продукты, все вышесказанные расходы ограничить по состоянию умершего, т.е.: не употреблять для угощения гостей более одной коровы или двух баранов с достаточным количеством хлеба и напитков, и чтобы во время поминок не собиралось жителей других деревень без приглашения хозяина.

2-ое. Искоренить кровомщение и если кто таковое учинит поступать с виновным по силе существующих Российских Законов; а о подобных кровомщении до сего времени случивших поручить Комиссии для разбора и удовлетворения каждого.

3-е. Не выдавать дочерей своих ниже 16-ти лет в замужество и за них не брать от будущего зятя деньги или скот, как это делается теперь, а именно: они получают от 40 до 90 коров /каждая 5 сереб./ или в числе их разная вещи. Продажу таким образом своих дочерей ограничить тем, только что будущий зять вознаградил родственников невесты деньгами или скотом на которые можно бы приготовить невесте одежду и разная вещи прилично ее званию.

4-ое. Чтобы в одной Осетинских деревень была учреждена Школа для воспитания детей их.

5-ое. Уменьшить Земскую повинность ибо народ их беднее всех народов в Грузии и они не в состоянии платить таковой оброк в натуре.

6-ое. Чтобы Правительство обратило на них заслуги внимание, ибо прежде сего на них некоторые бывали нескольких сражениях против неприятельей и оказывали заслуги, но редко кто был вознагражден" /268, с.15-16/.

После столь солидно обоснованного раппорта Скалон счел нужным представить главноуправляющему закавказским краем соответ-

ствующие материалы, в том числе и оригинал прошения нарских осетин "относительно искоренения существующих между ними некоторых вредных обычаев". Начальник гражданского управления при Неидгардте генерал-лейтенант Гурко потребовал еще дополнительные сведения, якобы нужные главноуправляющему для окончательного решения этого вопроса /268, с.22/.

Тем временем, как видно из архивных материалов, на Нарском участке начались волнения крестьян в какой-то степени связанные с недавними распоряжениями окружного начальника /266; 267/. Вышестоящие власти были вынуждены перевести Смиттена, как человека притесняющего местное население и "не знавшего твердо дух и характер здешнего народа", в другой округ /268, с.22/. Требуемые дополнительные сведения пришлось добывать новому начальнику осетинского округа майору Леону Челокаеву. Его рапорт губернатору датирован 23 июня 1843 года.

"ВП при предписании от 25 минувшего мая № 5416 препроводив ко мне просьбу поданную тринадцатью человеком Осетин, жителей Нарского ущелья насчет искоренения между ними некоторых грубых обычаев, доставить противу оной подробное сообщение с мнением о способах исполнения предметов в ней описанных.

Представляя при сем означенную просьбу Осетин к ВП долгом считаю предварительно донести, что она отнюдь не с согласия целых обществ, а как бы сказать от лиц несоставляющих и сотой доли оных, выезжавших временно из ущелий своих в Грузию и несколько смотревшихся совсем противные их обычаям и через то возымевших желание учредить и у себя таковыя; но не постигая как это сделать обратились с просьбой к ВП. Доказательством не общего желания, по сему предмету, служит то, что на требование мое сельских старшин из каждого селения по два человека почетных жи-

телей, никто кроме одномыслящих с подателями просьбы, их же родственников не более как 15-ти человек к нам не явились. Требуемое же от меня ВП мнение есть следующее:

1-ое/. Они просят составления Комиссии, которая бы старалась истребить грубые обычаи их. Эта Комиссия без учреждения ее была и есть, и заключается из тех самых лиц которых желают ее составить; например: Окружной Начальник и без того имеет и обязан иметь бдительный надзор за образом жизни, поведением и благодеянием вверенного ему народа; священники следуя духу Христианской Религии, как пастыри назидают также прихожан своих в вере и благочестии, - и наконец из старшин составляется медицинский Суд, по желанию тяжущихся, решения его исполняются с согласия Начальника, этим удовлетворяются просители и ответчики так, что после никогда не возникает жалоб.

2-ое/. Справлять поминки действительно существует у них, как и у прочих народов обычаи с описанными издержками, но только не у всякого, а смотря с состоянием; к этому их никто не принуждает, а делают они с доброй их воли, следовательно, тоже волею без всякого посредничества других если только они тяготны всяк сам себя от оных избавит; впрочем надо сказать и то, что убытки от поминок лежат не на одном Дому, в котором бывает умерший, а на всей фамилии его, или сказать прямее родственниках, которые придя на похороны, каждый приводит с собой быка, корову, барана или козла и приносит не водку а полу, именуемую аракою, каждый тоже по-своему желанию и состоянию; сам же хозяин Дома умершего, после таковой складки, хотя бы был и самый богатый, режет не более трех коров, десяти баранов или козлов, изготавливает примерно ведр 80 пива.

3-ее/. Искоренение кровомщения без всякого сомнения необходимо, но оно и без просьбы их преследуется законами, тяжбы же

возникающая по делам кровомщения, задолго до сего случившиеся, не мешало-бы дозволить разбирать медиаторскому суду, если это не противно духу правительства.

4-ое/. Так же следует строго воспретить выдачу в замужество девицу менее 16-ти лет, и то уже в целой Осетии, а не в одном Нарском Участке, потому что это противозаконно и что от сего женщины сильно страдают и старческими припадками, почему и следует вложить приходским священникам в неприменную обязанность предварительно давать знать о подобных случаях местному Начальству для надлежащего со стороны его распоряжения и предупреждения; не брать же за них и издревле между народом этим установленное урвати, было бы противно их обычаям, как бы коренным жителям России не давать за дочерью приданного. Причем нужно принять в соображение, что если отец семейства избирая для сына своего невесту дает за нея урват, то таким же родом берет сам таковой при выдаче дочерей, а следовательно и заменяется это одно другим без всякого убытка.

5-ое/. Об учреждении школ и без их ходотайства делается распоряжение, в следствие доклада Господина Министра Государственных имуществ, и по предписанию Грузино-Имеретинской Палаты Государственных имуществ. Предместник мой /поручик Смиттен - В.Ч./ в донесении от 24 Апреля предложил учредить каковыя в Селениях Спи, Згубрах и Нарахе.

6-ое/. Убавить земской повинности невозможно, ибо она и без того до крайности уменьшена, сравнить же 1841 и 1842 годы с настоящим необходимо, потому, что взыскание таковой по недавнему обложению их, е чему они еще не привыкли, слишком затруднительно; сами просители же объяснили что их желание точно заключается в том, дабы за объяснения годы было бы взыскано с жителей Нар-

ского Участка как и за настоящий по 50-ти копеек, а следовательно и Джавского и с Малолиахвским по I рублем серебро.

7-ое/. Что относится домогательства о том чтобы правительство обращало на заслуги их внимание, то оно и без просьбы их не упускало из виду таковых, из них многия пользовались и не перестают пользоваться /кто только того достоин/ знаками военных Орденов, медальями, денежным пособием и наконец чинам.

В заключение же вышеизясненного - я полагал бы просьбу Осетин как несбыточную и затейливую, оставить без внимания, предоставляя перемену нравов и обычаев их времени, то тому более, что если употребить к искоренению оных насилие, - этими людьми нетерпимое - легко может встретиться неприятности которую довольно трудно будет отвратить; в протчем мнение это как гораздо слабее изложено в предписании Вашем от 4 Февраля сего года № I430 к предместнику моему честь имею представить благоусмотрению ВП" /268, с.32-35/.

Как явствует из донесения, Челобаев с особой осторожностью отнесся к проблеме старых обрядов и обычаев. Это не было вызвано только стремлением чиновника снять с себя ответственность за труднорегулируемую сферу общественной жизни осетин. К тому времени создавшаяся в округе ситуация определенно требовала от представителя властей более осмотрительных действий. Стало ясно, что уже предпринятые, по тем временам видимо не очень уж жесткие административные меры, все же оказались неприемлемыми и даже, как предупреждал губернатор, опасными. Стремление Смиттена с помощью запретов "возвысить и улучшить быт Осетин", руководствуясь при этом "высшими и основными правительственными видами", привело к возникновению на местах ряда сложных дел. В прошлом подобные бытовые конфликты можно было уладить с помощью неписанных

законов обычного права. После известных событий окончательное их решение стало чуть ли не невозможным. Высокий статус доселе свято чтимой, многовековой традиции был поколеблен, а навязываемые властями новые правила общежития для основной массы местных жителей оставались чуждыми.

Подобную ситуацию можно проиллюстрировать на примере одного спора, с материалами которого ознакомился и гражданский губернатор. Тяжбу вели между собой супруги Тигашвили из селения Тхели. Жена, уверовав в истинность данных Смиттеном указаний, ушла от мужа, который отказался обвенчаться с ней. Муж же в свою очередь, согласно древнему обычаю, стал требовать от родственников бывшей жены возвращения урвада, уплоченного 12 лет назад /268, с.28-31/.

Одновременное функционирование внутри общества древних народных обычаев и норм гражданского и уголовного права Российской империи после неумелых действий Смиттена стало чревато серьезными осложнениями. Более или менее мирному их сосуществованию пришел конец в процессе нашумевшего на весь округ дела об оскорблении слугой местного заседателя князя Херхеулидзе женщины из рода Хурумашвили. Родственники пострадавшей, согласно древнему осетинскому обычаю, считали делом чести отомстить обидчику, убив его, или при соответствующих обстоятельствах получить полную компенсацию. В их действиях, направленных на достижение этой цели, не было ничего что противоречило бы мировосприятию основной массы общинников. Совсем по иному смотрели на это представители властей, в первую очередь окружной начальник и заседатель. Но все же вскоре обидчик был найден мертвым, а после некоторого времени убили и его хозяина /267, с.II/.

На фоне упомянутых событий практическая деятельность Смит-

тена вызвала недовольство местных жителей. Когда после ареста двух убийц, он приказал засеять под общественный картофель принадлежащие им пахотные земли, крестьяне некоторых деревень покинули свои дома и укрепились в башнях селения Чми. На призыв окружного начальника покинуть укрепления они ответили выстрелом из ружья. Смиттен срочно уведомил губернатора о неповиновении и попросил для подавления восстания две пехотные роты солдат и два артиллерийских орудия. В подмогу окружному начальству был послан отряд под командованием князя Андроникова /266/. Но доскональное расследование происшедшего, проведенное главным начальником горских народов Аваловым, позволило избежать кровопролития. Последний порекомендовал главноуправляющему краем, перевести Смиттена в другой округ, а на его место назначить Челокаева /267, с.54/.

После этих событий и рапорта Челокаева главноуправляющий направил специальное предписание представителям местных властей, в котором категорически требовал от них "изменение обычаев предоставить времени не применяя никаких насильственных мер" /267, с.42-43/. Видимо, было окончательно решено оставить область старых обрядов и обычаев на попечение духовенства.

2. Социальный состав участников кампании и их цели

Согласно материалам, помещенным в периодике и прессе, социальный состав участников движения, начавшегося во второй половине XIX в. и поставившего перед собой задачу осуществления изменений в сфере традиций, был весьма разнородным. В нем были представлены почти все классы и слои - крестьяне, дворяне, буржуазия, духовенство, интеллигенция, чиновники и т.д. Хотя опубликованные на страницах журналов и газет статьи не с одинаковой

с.223-237.

20. Багратиони Вахушти. История царства грузинского / Перевел, снабдил предисловием, словарями и указателем Н.Т.Накашидзе. Тбилиси, 1976, 338 с.
21. Базанов В.Г. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974, 556 с.
22. Бакрадзе Д.З. Главнейшие сведения о горских племенах, на которые распространяется деятельность Общества восстановления православного христианства на Кавказе / S.L. /, / S.O. /, 30 с.
23. Баллер Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие. М., 1987, 158 с.
24. Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, 396 с.
25. Белкин А.А. Русские скоморохи. М., 1975, 191 с.
26. Бардавелидзе В.В. Опыт социологического изучения хевсурских верований. Тифлис, 1933, 49 с.
27. Бромлей Ю.В. Новая обрядность - важный компонент советского образа жизни. - В кн.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981, с.5-28.
28. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983, 412 с.
29. Восторгов И. По поводу речей протоерия Иоанна Восторгова об убиенном русском экзархе Грузии преосвященном архиепископе Никоне. М., 1908.
30. Гришашвили И.Г. Литературная богема старого Тбилиси. Тбилиси, 1977, 113 с.
31. Джавахишвили Г.Д. Нико Николадзе - сотрудник журналов "Устой" и "Отечественные записки". - В кн.: Джавахишвили Г.Д.

- Нико Николадзе и русская журналистика. Тбилиси, 1978, с.208-263.
32. Джанашвили М. Абхазия и абхазы. Этнографический очерк. Тифлис, 1893, 64 с.
33. Е.К. Краткий очерк истории грузинской церкви и экзархата за XIX столетие. Тифлис, 1901, 112 с.
34. Законы Вахтанга VI / Перевод, введение, примечания, глоссарии и указатели Д.Л.Пурцеладзе. Тбилиси, 1980, 336 с.
35. Калоев Б.А. Осетины /Историко-этнографическое исследование/. М., 1971, 356 с.
36. Коккьяра Джузеппе. История фольклористики в Европе. М., 1960, 689 с.
37. Кривалев И.А. Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении // СЭ, 1977, № 7, с.34-45.
38. Лобачева Н.П. Общесоветское и национально-специфическое в новой обрядности. - В кн.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981, с.39-56.
39. Лобачева Н.П. Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975, 138 с.
40. Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Тартуский гос.университет. Вып. 236. Труды по знаковым системам, т.4. Тарту, 1969, с.460-477.
41. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978, 391 с.
42. Макалатия С.М. Хевсуры. Историко-этнографический очерк дореволюционного быта хевсуров. Тбилиси, 1940, 224 с.
43. Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии /конец 60-х - начало 90-х годов XVIII в./. Документы и материа-

- лы. Вып. I. / Материал подобрал и подготовил к печати В.Н.Гамрекели. Тбилиси, 1980, 220 с.
44. Миллер Вс.Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. I-XVI. М., 1897, 464 с.
45. Обзор деятельности общества православного христианства на Кавказе за 1860-1910 гг. / Составитель А.Платонов. Тифлис, 1910.
46. О действиях высочайше учрежденного Общества восстановления православного христианства на Кавказе. СПб, 1982, 30 с.
47. Ортутай Д. Роль школьного воспитания в культуре венгерского крестьянства // Acta Ethnographica , 1963, т. XI.
48. Пименов В.В. Прикладные аспекты этнографии: тенденции и проблемы // СЭ, 1986, № 5, с.3-12.
49. Плахов В.Д. Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования. М., 1982, 220 с.
50. Приезд имеретинского царя Арчила и разные дела, касающиеся до бытности его в Москве. - В кн.: Материалы по истории русско-грузинских отношений /80-90-е годы XVIII века/. т. II / Документы к печати подготовил, предисловием и комментариями снабдил Г.Г.Пайчадзе. Тбилиси; 1979, с.7-219.
51. Ратиани П.К. Национально-освободительное движение и передовая культура Грузии во второй половине XIX века // Мацне, серия истории. Тбилиси, 1964, № 6, с.80-96.
52. Религиозно-этнографический очерк Пшаво-Тушино-Хевсурети Преосвященного Антония, Епископа Горийского. Тифлис, 1914.
53. Робакидзе А.И. Пути развития грузинской советской этнографии /1922-1982/. Тбилиси, 1983, 160 с.
54. Руднев В.А. Праздники, обряды, ритуалы в трудовом коллективе.

- М., 1984, 158 с.
55. Сабурова Л.М. Отражение этнических процессов в развитии обрядности. - В кн.: Этнографические аспекты изучения современности. Ленинград, 1980, с.28-48.
 56. Солнцев Н.В. Роль прогрессивных традиций в коммунистическом воспитании. Новосибирск, 1977, 124 с.
 57. Стоглав. - В кн.: Российское законодательство X-XX веков. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. т.2 / Отв.ред. проф.А.Д.Горский. М., 1985, 518 с.
 58. Суханов И.В. Обычай, традиции и преемственность поколений. М., 1976, 215 с.
 59. Токарев С.А. История русской этнографии. Дооктябрьский период. М., 1966, 456 с.
 60. Токарев С.А. Обычай и обряды как объект этнографического изучения // СЭ, 1980, № 3, с.26-36.
 61. Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985, 190 с.
 62. Урсул Д.Т., Зеленчук В.С. Единство национального и интернационального в новой советской обрядности. - В кн.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981, с.28-39.
 63. Хоштария И.Ш. Некрасовский журнал "Современник" и грузинские шестидесятники /"тергдалеулни"/ / Мацне, серия языка и литературы. 1980, № 1, с.26-37.
 64. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох от России крепостной к России капиталистической. М., 1985, 350 с.
 65. Энукидзе Г.Н. Национальные отношения и интернациональное

- воспитание. XXVII съезд КПСС: стратегия ускорения. - Правда, 1986, 4 авг.
66. Юсуфов Р.Ф. Русский романтизм начала XIX века и национальные культуры. М., 1970, 423 с.
67. Абашмадзе В.В. И.Чавчавадзе - проблемы государства и права. Тбилиси, 1987, 418 с. На груз.яз.
68. Абдаладзе А.П. "Картлис цховреба" и грузино-армянские взаимоотношения /с древнейших времен до начала XII в./, Тбилиси, 1982, 237 с. На груз.яз.
69. Алавидзе Д.Ф. Грузинские народные и распространенные в Грузии музыкальные инструменты. Тбилиси, 1978, 106 с. На груз.яз.
70. Анчабадзе Г.З. Дмитрий Бакрадзе как источниковед и археограф. Тбилиси, 1982, 70 с. На груз.яз.
71. Анчабадзе З., Робакидзе А. О природе кавказского горного феодализма // Иберийско-кавказское языкознание, т.ХУШ. Тбилиси, 1973, с. III-III3. На груз.яз.
72. Арчилиани. Полн.собр. соч. В двух томах / Под ред. Ал. Барамидзе и Н. Бердзенишвили, т. I, Тифлис, 1936, 304 с. На груз.яз.
73. Бадридзе Ш. Выдающийся грузиновед Александр Хаханашвили. Тбилиси, 1968, 178 с. На груз.яз.
74. Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти Б. История грузинской литературы. Краткий очерк. Тбилиси, 1958, 258 с. На груз.яз.
75. Бардавелидзе В.В. Древо жизни и обилия в религии грузин. - В кн.: Вопросы этнографии Грузии. Тбилиси, 1968, 154 с. На груз.яз.
76. Бардавелидзе В.В. Священнослужебные тексты горцев Восточной Грузии // МЭГ, т. I. Тбилиси, 1938. с. 3-48. На груз.яз.

77. Бардавелидзе В.В. Традиционные общественно-культурные памятники горной Восточной Грузии, т.П₂, Тушети. Тбилиси, 1985, 243 с. На груз.яз.
78. Бардавелидзе В.В. Традиционные общественно-культурные памятники горной Восточной Грузии, т.П₁, Хевсурети. Тбилиси, 1982, 194 с. На груз.яз.
79. Барнавели С.В. Грузинские знамена. Тбилиси, 1953, 104 с. На груз.яз.
80. Барнов Г.Д. По поводу языческого "ренессанса" // Мнатоби, Тбилиси, 1986, № 7, с.157-163. На груз.яз.
81. Бахтадзе И.В. Из истории грузинской музыкально-эстетической мысли /вторая половина XIX в./. Тбилиси, 1986, 162 с. На груз.яз.
82. Бекая М.А. Роль брачно-семейных традиций в стабилизации современной грузинской семьи. Тбилиси, 1981, 76 с. На груз.яз.
83. Бендианашвили А.С. Национальный вопрос в Грузии в XIX - начале XX в. Тбилиси, 1980, 274 с. На груз.яз.
84. Бердзенишвили Л. Газета "Дроеба" и царская цензура // Мацне, серия истории, 1964, № 3, с.33-49. На груз.яз.
85. Бердзенишвили М.Д. Материалы к истории грузинской общественности первой половины XIX в. т. I, Тбилиси, 1980, 250 с. На груз.яз.
86. Боцвадзе И.Л. Грузинская журналистика. Тбилиси, 1967, 221 с. На груз.яз.
87. Боцвадзе И.Л. Серги Месхи и грузинская пресса 70-80-х годов XIX века. Тбилиси, 1968, 306 с. На груз.яз.
88. Брегадзе Н.А. Вахушти Багратиони и этнография Грузии // МЭГ, ХУI-ХУП. Тбилиси, 1973, с.205-214. На груз.яз.

89. Важа Пшавела. Полн. собр. соч. . В десяти томах, т. IX. Публицистические и этнографические статьи. Тбилиси, 1964, 495 с. На груз. яз.
90. Важа Пшавела. Полн. собр. соч. В десяти томах, т. X. Тбилиси, 1964, 477 с. На груз. яз.
91. Вашакмадзе Ш. Н. Рафиел Эристави. Жизнь, общественная деятельность, творчество. Тбилиси, 1962, 261 с. На груз. яз.
92. Габидзашвили Э. П. Уложение Руис-Урбнисского собора. Тбилиси, 1978, 197 с. На груз. яз.
93. Гагоидзе В. А. Очерки из истории развития философской и социологической мысли в Грузии в XIX веке. Тбилиси, 1970, 404 с. На груз. яз.
94. Гагуа В. В. Народное образование в Грузии в послереформенный период XIX века. Тбилиси, 1974, 322 с. На груз. яз.
95. Гамрекели В. Н. Население Восточной Грузии по описи 5 апреля 1770 года // Мацне, серия философии. Тбилиси, 1976, № 3, с. 69-75. На груз. яз.
96. Гаприндашвили М. М. Грузинская нация и национально-освободительное движение во второй половине XIX века. - В кн.: Очерки истории Грузии, т. V, с. 454-470. На груз. яз.
97. Гаприндашвили М. М. Национальное и классовое в просветительно-революционно-демократическом и утопическо-социалистическом мировоззрении Ильи Григорьевича Чавчавадзе. Тбилиси, 1987, 142 с. На груз. яз.
98. Гаприндашвили М. М. Очерки по истории грузинской общественной мысли /60-70 годы XIX в./, т. I. Тбилиси, 1959, 305 с. На груз. яз.
99. Гвасалия Д. Г., Гиоргадзе М. В., Сурамелашвили М. Г., Чургулия Л. О. Хадское ущелье. Тбилиси, 1983, 52 с. ил. На груз. яз.

100. Гвасалиа Д.Г. Очерки исторической географии Восточной Грузии /Шида Картли/. Тбилиси, 1983, 202 с. На груз.яз.
101. Гвретишвили Д.В. Очерки по истории Грузии. т.Ш. Тбилиси, 1968, 392 с. На груз.яз.
102. Гогешашвили Я. Сочинения. т.І. Тбилиси, 1952, 558 с.
На груз.яз.
103. Гогочури Д.Л. Отражение борьбы языческих верований в устной поэзии // Грузинский фольклор, ХУІ. Тбилиси, 1986, с.129-147. На груз.яз.
104. Грузинские народные сказки / Собранные Тедо Разикашвили. Кн. І. Тбилиси, 1951, 390 с. На груз.яз.
105. Грузинские народные сказки / Собранные Тедо Разикашвили. Кн.ІІ. Тбилиси, 1952, 190 с. На груз.яз.
106. Грузинская советская энциклопедия, т.2. Тбилиси, 1978, 702 с. На груз.яз.
107. Гугутишвили М.Г. Новые праздники в Грузии. Тбилиси, 1976, 158 с. На груз.яз.
108. Гудушаури Г.А. Грузино-Северокавказские культурные взаимоотношения /XIX в. - начало XX в./ . Тбилиси, 1985, 178 с.
На груз.яз.
109. Гулисашвили З. Повести и очерки. Тбилиси, 1953, 314 с.
На груз.яз.
110. Джавахишвили М.А. Материалы для истории ХУІІ века. - В кн.: Джавахишвили И.А. История грузинского народа, т.У. Тбилиси, 1953, с.1-46. На груз.яз.
111. Джагоднишвили Т.И. Р.Эристави и народное творчество. Тбилиси, 1979, 141 с. На груз.яз.
112. Джагоднишвили Т.И. У истоков грузинской фольклористики. Тбилиси, 1986, 242 с. На груз.яз.

- II3. Джанашвили М. Саингило. // ДГ, т.П, отд. IV. Тифлис, 1913, с.51-352. На груз.яз.
- II4. Джанелидзе Д.С. История грузинского театра. Книга первая. Народные истоки. Тбилиси, 1983, 383 с. ил. На груз.яз.
- II5. Джанелидзе Д.С. Материалы по истории грузинского театра, I. Народные истоки грузинского театра. Тбилиси, 1948, 570 с. На груз.яз.
- II6. Долидзе И.С. Древнегрузинское право. Тбилиси, 1953, 378 с. На груз.яз.
- II7. Думбадзе М.К. Историк Димитрий Бакрадзе /Жизнь и деятельность/. Батуми, 1950. На груз.яз.
- II8. Ериашвили Ж.Г. Древнейшие социально-религиозные институты в горных районах Грузии. Тбилиси, 1982, 196 с. На груз.яз.
- II9. Ериашвили Ж.Г. К вопросу о социальной структуре горного населения Восточной Грузии // Мацне, серия истории. Тбилиси, 1986, № I, с.117-132. На груз.яз.
- I20. Зандукели М.З. Сочинения, т.Ш. Тбилиси, 1978, 778 с. На груз.яз.
- I21. Зандукели М.З. Сочинения, т.IV. Тбилиси, 1986, 312 с. На груз.яз.
- I22. Иашвили М. Из истории материальной культуры Грузии /XVIII-XIX вв./ . Тбилиси, 1976, 112 с. На груз.яз.
- I23. Итонишвили В.В. Арагвское ущелье /Вопросы локализации и этнонимии горных уголков/. Тбилиси, 1986, 167 с. На груз.яз.
- I24. Итонишвили В.Д. Из истории семейных отношений грузин-горцев. Тбилиси, 1960, 336 с.
- I25. Итонишвили В.Д. Илья Чавчавадзе и этнография Грузии // Мнатоби, 1980, № 7. Тбилиси, с.152-158. На груз.яз.

126. Итонишвили В.Д. Илья Чавчавадзе и этнография грузин. Тбилиси, 1963, 128 с. На груз.яз.
127. Итонишвили В.Д. Рафиел Эристави как этнограф // Цискари. Тбилиси, 1975, № II, с.112-120. На груз.яз.
128. Казбеги А. Сочинения, т.V. Тбилиси, 1950, 556 с. На груз.яз.
129. Каландадзе А.П. История грузинской журналистики. т.Ш /1863-1871/. Тбилиси, 1985, 711 с. На груз.яз.
130. Каландадзе А.П. История грузинской журналистики. т.IV /70-е и начало 80-х годов XIX века/. Тбилиси, 1986, 734 с. На груз.яз.
131. Канделаки М.Б. Вопросы социально-религиозной структуры горцев Грузии /"джвари" и "хати"/ // Мацне, серия истории. Тбилиси, 1981, № 3. На груз.яз.
132. Канделаки М.Б. Некоторые вопросы института хевисбери у горцев Восточной Грузии // МЭГ, ХУШ. Тбилиси, 1975, с.109-124. На груз.яз.
133. Капанадзе Н.Л. Грузинские народные обычаи детского воспитания. Тбилиси, 1986, 56 с. На груз.яз.
134. Картлис цховреба /История Грузии/ / Грузинский текст, т.IV. Вахушти. История Грузии. Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С.Г.Каухчишвили. Тбилиси, 1973, 1102 с. На груз.яз.
135. Касрадзе О.В. Атеистические мотивы в грузинской художественной литературе XIX в. Тбилиси, 1975, 95 с. На груз.яз.
136. Кахидзе Н. Этнография и фольклор в деле изучения старых и новых обрядов. - В кн.: Быт и культура Юго-Западной Грузии. т.IV. Тбилиси, 1978, с.4-16. На груз.яз.
137. Качарава И.М. Этапы национальной консолидации грузинского

- народа, Выводы и обобщения. Тбилиси, 1966, 29 с. На груз.яз.
- I38. Кекелиа М.М. О природе национальных обычаев и традиций. Тбилиси, 1982, 80 с. На груз.яз.
- I39. Кекелидзе К.С. История древнегрузинской письменности. т.2. Тбилиси, 1952, 623 с. На груз.яз.
- I40. Кекелидзе К.С. Жанр плачей и обряд оплакивания усопшего в древнегрузинской литературе. - В кн.: Кекелидзе К.С. Этюды по истории древнегрузинской литературы, т.І. Тбилиси, 1956, с.198-230. На груз.яз.
- I41. Кекелидзе К.С. Отражение борьбы за культурную независимость в древнегрузинской литературе. - В кн.: Кекелидзе К.С. Этюды по истории древнегрузинской литературы. т.ІУ. Тбилиси, 1957, с.110-133. На груз.яз.
- I42. Киквадзе А.Я. История Грузии /XIX век/. Тбилиси, 1954, 249 с. На груз.яз.
- I43. Киквадзе А.Я. Газета "Квали" /1893-1904 гг./. Тбилиси, 1969, 161 с. На груз.яз.
- I44. Кикнадзе З.Г. Пояснения к "Обязательным пояснениям" // Мнатоби. Тбилиси, 1983, № 6, с.159-166. На груз.яз.
- I45. Кикнадзе З.Г. Мифологические варианты эпизодов "Обращения Картли" // Мацне, серия языка и литературы. Тбилиси, 1982, № 1, с.62-70. На груз.яз.
- I46. Кинккладзе О. "Дроеба" и вопросы воспитания. Тбилиси, 1963, 148 с. На груз.яз.
- I47. Коранашвили Г.В. Этнопсихология и традиции. Тбилиси, 1983, 44 с. На груз.яз.
- I48. Коранашвили Г.В. Этническое самосознание и традиции. Тбилиси, 1984, 67 с. На груз.яз.
- I49. Котетишвили Н.В. Взгляды А.С.Хаханашвили на вопросы древней

- грузинской литературы и культуры /по архивным материалам/
// Мацне, серия языка и литературы. Тбилиси, 1986, № I,
с.72-84. На груз.яз.
- I50. Кубанеишвили С. Важа Пшавела. Документы и материалы. Тбилиси, 1937, 489 с. На груз.яз.
- I51. Кубанеишвили С. Важа Пшавела - летопись жизни и творчества. Тбилиси, 1940, 266 с. На груз.яз.
- I52. Ламберти Арханжело. Описание Мегрелии / Перевел с итальянского Александр Чкония. Вступительная статья Левана Асатиани. Тбилиси, 1938, 205 с. На груз.яз.
- I53. Лекиашвили А. Квириа-Мацховари // Мнатоби, Тбилиси, 1986, № II, с.159-164. На груз.яз.
- I54. Макалатиа С.И. История и этнография Мегрелии. Тбилиси, 1951, 382 с. На груз.яз.
- I55. Макалатиа С.И. Мтиулети. Тбилиси, 1930, 192 с., ил.
На груз.яз.
- I56. Макалатиа С.И. Тушетия. Тбилиси, 1933, 225 с. На груз.яз.
- I57. Макалатиа С.И. Хеви. Тбилиси, 1934, 289 с. На груз.яз.
- I58. Малый номоканон / Подготовил к изданию Элгужда Гиунашвили. Тбилиси, 1972, 153 с. На груз.яз.
- I59. Маргиани Г.Н. Историография народнического движения в Грузии. Тбилиси, 1978, 157 с. На груз.яз.
- I60. Маргошвили Л.Ю. Обряды и обычаи кистов Панкиси и современность. Тбилиси, 1985, 67 с. На груз.яз.
- I61. Материалы для этнографического изучения Месхет-Джаваheti. Тбилиси, 1972, 244 с. На груз.яз.
- I62. Материалы к социально-экономической истории Грузии Книги о приданном / Тексты к изданию подготовила, снабдила вступительной статьей, словарем и указателями Мзиа Иашвили.

- Тбилиси, 1974, 354 с. На груз.яз.
- I63. Мацаберидзе В.С. Фольклорно-собираТЕЛЬская деятельность Н.Бакурадзе // Грузинский фольклор, XV. Тбилиси, 1985, с.89-98. На груз.яз.
- I64. Мебзевишвили В.В. Петре Умикашвили - публицист и критик. Тбилиси, 1967, 265 с. На груз.яз.
- I65. Медзвелиа К.Н. Грузинские шестидесятники и русские революционные деятели 60-х годов. т.І. Тбилиси, 1959, 398 с. На груз.яз.
- I66. Меликишвили Г. К вопросу о природе древнейших обществ Ближнего Востока и Кавказа. - В кн.: Юбилейный сборник, посвященный 100-летию Иванэ Джавахишвили. Тбилиси, 1976, с.145-172. На груз.яз.
- I67. Меликишвили Л.Ш. Анализ структуры грузинской свадебной обрядности и инновация. Тбилиси, 1986, 94 с. На груз.яз.
- I68. Месхи С.С. Сочинения. В трех томах /Составление, примечания и комментарии Иосифа Боцвадзе. Тбилиси, 1962, т.І, 491 с. На груз.яз.
- I69. Месхи С.С. Сочинения. В трех томах /Составление, примечания и комментарии Иосифа Боцвадзе. Тбилиси, 1963, т.ІІ, 445 с. На груз.яз.
- I70. Месхи С.С. Сочинения. В трех томах /Составление, примечания и комментарии Иосифа Боцвадзе. Тбилиси, 1964, т.ІІІ, 463 с. На груз.яз.
- I71. Метревели Р.В. Грузинское общество истории и этнографии. Тбилиси, 274 с. На груз.яз.
- I72. Мешвелиани К.Л. Проблема истории балканских славян в грузинской прессе второй половины XIX в. // Труды ТГУ, 205. Тбилиси, 1979, с.156-162.

- I73. Микадзе Г.В. Словарь псевдонимов. Тбилиси, 1984, 138 с.
На груз.яз.
- I74. Нижарадзе Б.Ш. /Тависупали Свани/. Историко-этнографические статьи. т. I-II. Тбилиси, 1962-1964, I - 220 с., II - 232 с.
На груз.яз.
- I75. Николадзе Ев. История грузинской церкви. Кутаиси, 1918,
250 с. На груз.яз.
- I76. Новые обряды, традиции в жизнь. Список рекомендуемой литературы. Тбилиси, 1976, 46 с. На груз. и русск.яз.
- I77. Новые праздники в Советской Грузии. Календарь-справочник. Тбилиси, 1986, 83 с. На груз. и русск.яз.
- I78. Орбелиани Папуна. Амбави Картлисаи. История Грузии / Текст установила, снабдила предисловием, словарем и указателями Елене Цагареишвили. Тбилиси, 1981, 281 с. На груз.яз.
- I79. Очерки истории Грузии. В восьми томах. т.У. Грузия в 30-90-х годах XIX века / Редактор тома Иракли Антелава. Тбилиси, 1970, 866 с. На груз.яз.
- I80. Очиаури Т.А. К вопросу взаимоотношения сенокосных песен /мтиблური/ и плачей /хмитнатиралеби/ // МЭГ, т. XI. Тбилиси, 1960, с. 161-188. На груз.яз.
- I81. Памятники грузинского права, т. I. Сборник законов Вахтанга VI / Тексты, исследование, словарь проф. И.С. Долидзе. Тбилиси, 1963, 773 с. На груз.яз.
- I82. Памятники грузинского права, т. II. Тбилиси, 1965. На груз.яз.
- I83. Памятники грузинского права, т. III. Церковные законодательные памятники /XI-XIX вв./ / Тексты издал, примечаниями и указателями снабдил проф. И.С. Долидзе. Тбилиси, 1970, 1320 с. На груз.яз.

184. Памятники грузинского права, т.УШ. Судебные прошения с приказами и частнопровые акты / Тексты издал, примечаниями и указателями снабдил проф. И.С.Долидзе. Тбилиси, 1985, 1124 с. На груз.яз.
185. Перадзе Л.Г. Александр Сараджишвили. Тбилиси, 1983, 140 с. На груз.яз.
186. Пираншвили П.В. "Рисорджименто" и грузинская общественная мысль II половины XIX в. // Труды ТГУ, т.205. Тбилиси, 1979, с.143-155. На груз.яз.
187. Пруидзе Л. Димитрий Бакрадзе и этнография Грузии // Мнатоби, 1972, № 2, с.142-147. На груз.яз.
188. Путешествие Жана Шардена в Персию и другие страны Востока /Сведения о Грузии/ / Перевод с французского, исследование и комментарии М.А.Мгалоблишвили. Тбилиси, 1975, 429 с. На груз.яз.
189. Путкардзе Я.В. Из истории права грузинских горцев. Тбилиси, 1964, 127 с. На груз.яз.
190. Ратиани П.К. Очерки по новой истории Грузии. Тбилиси, 1986, 383 с. На груз.яз.
191. Робакидзе А.И. Бесарион Нижарадзе. - В кн.: Б.Нижарадзе /Тависупали Свани/. Историко-этнографические статьи, т.1. Тбилиси, 1962, 218 с. На груз.яз.
192. Робакидзе А.И. Традиция и образ жизни. Тбилиси, 1981, 57 с. На груз.яз.
193. Робакидзе А.И. Этнография и современность. - В кн.: Быт и культура Юго-Западной Грузии, т.У. Тбилиси, 1977, с.3-13. На груз.яз.
194. Рухадзе Д.А. К вопросу о пережитках культа растительности в Западной Грузии // МЭГ, ХУШ. Тбилиси, 1975, с.169-175.

На груз.яз.

195. Рухадзе Д.А. Народные праздники и современность. Тбилиси, 1980, 38 с. На груз.яз.
196. Сапарийский Арсени. О разделении Грузии и Армении / Текст подготовил, исследованием и комментариями снабдил Заза Алексидзе. Тбилиси, 1980, 200 с. На груз.яз.
197. Сахокиа Ф.Т. Статьи по этнографии. Тбилиси, 1956, 142 с. На груз.яз.
198. Словарь грузинского фольклора, т. II / м-н /. - В кн.: Грузинский фольклор. Материалы и исследования. т. У. Тбилиси, 1975, 210 с. На груз.яз.
199. Сохадзе А.К. Критерии оценки обычаев и обрядов. Тбилиси, 1985, 59 с. На груз.яз.
200. Сохашвили Г. Самтависи. Тбилиси, 1973. На груз.яз.
201. Судебник царевича Давида /XVIII-XIX/ / Текст издал Давид Пурцеладзе. Тбилиси, 1964. На груз.яз.
202. Сургуладзе А.И. О понятии нации и этапах национально-освободительного движения в дореволюционной Грузии. Тбилиси, 1970, 70 с. На груз.яз.
203. Табидзе Н.П. "Ивериа" Ильи Чавчавадзе /1877-1885/. Тбилиси, 1977, 350 с. На груз.яз.
204. Тандилава З.О. Традиции шуамтоба и фольклор. Тбилиси, 1980, 67 с. На груз.яз.
205. Теймураз П. Полный сборник произведений. Тбилиси, 1939, 281 с. На груз.яз.
206. Уложение Руис-Урбнисского собора. - В кн.: Памятники грузинского права, т. III. Церковные законодательные памятники /IX-XIX вв./. / Тексты издал, примечаниями и указателями снабдил проф. И.С.Долидзе. Тбилиси, 1970, 1319 с. На груз.яз.

207. Умикашвили П.И. Народная словесность, т. I-IV. Тбилиси, 1964. На груз.яз.
208. Ухтанес. История отделения грузин от армян /Армянский текст с грузинским переводом и исследованием издал Алексидзе З.И. Тбилиси, 1975, 442 с. На груз.яз.
209. Харадзе Р.А. Пережитки общинного управления у мохевцев // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии им. И.Джавашвили, т. IV, вып. 2. Тбилиси, 1959, с. 163-180. На груз.яз.
210. Харадзе Р.А. Пережитки большой семьи у сванов. Тбилиси, 1939, 134 с. На груз.яз.
211. Хизанишвили Н.Т. /Урбнели/. Статьи по этнографии. Тбилиси, 1940, 199 с. На груз.яз.
212. Хизанишвили Н.Т. Избранные юридические произведения. Тбилиси, 1982, 646 с. На груз.яз.
- 212^a. Хоштария-Броссе Э.В. Взаимоотношения низинных и горных регионов феодальной Грузии. Тбилиси, 130 с. На груз.яз.
213. Хуцишвили М.А. Антицерковное движение в Грузии /вторая половина XIX в. - 1917 г. - В кн.: Вопросы истории, религии и атеизма в Грузии, кн. II. Тбилиси, 1975. На груз.яз.
214. Хуцишвили М.А. Грузинская церковь на службе колониальной политики царизма /XIX в./. - В кн.: Вопросы истории религии и атеизма в Грузии, т. I. Тбилиси, 1968, 132 с. На груз.яз.
215. Хуцишвили С.Г. Светоч. 100-летие Общества распространения грамотности среди грузин. Тбилиси, 1980, 124 с. На груз.яз.
216. Цанава А.В. Обязательные пояснения // Мнатоби. Тбилиси, 1983, № 5, с. 151-161. На груз.яз.
217. Церетели А.Р. Полн. собр. соч. В пятнадцати томах, т. XI. Публицистические статьи. 1861-1880. Тбилиси, 1960, 559 с.

218. Церетели А.Р. Полн.собр.соч. В десяти томах, т.ХП. Публицистические письма 1881-1889. Тбилиси, 1960, 435 с.
На груз.яз.
219. Церетели А.Р. Полн.собр.соч. т.ХШ. Публицистические статьи /1890-1900/. Тбилиси, 1961, 577 с. На груз.яз.
220. Церетели А.Р. Полн.собр.соч. т.ХIV. Тбилиси, 1961, 658 с.
На груз.яз.
221. Церетели А.Р. Полн.собр.соч., т.ХVI. Публицистические статьи /1901-1915/. Тбилиси, 1961, 658 с. На груз.яз.
222. Цуртавский Яков. Мученичество Шушаники / Грузинский и армянский тексты издал и исследованием, вариантами, словарем и указателями снабдил Илья Абуладзе. Тифлис, 1938, 120 с. На груз.яз.
223. Чавчавадзе И.Г. Полн.собр.соч. В десяти томах., т.Ш. Письма о литературе и искусстве. Пресса. Фелетоны. Тбилиси, 1953, 512 с. На груз.яз.
224. Чавчавадзе И.Г. Полн.собр.соч. В десяти томах, т.IV. Нация и история. Тбилиси, 1955, 405 с. На груз.яз.
225. Чадунали Э.Г. Из истории развития грузинской экономической мысли. Тбилиси, 1978, 198 с. На груз.яз.
226. Чадунали Э.Г. Общественно-экономические взгляды публицистов журнала "Имеди". Тбилиси, 1974, 151 с. На груз.яз.
227. Чантуришвили С.Г. Культура и быт Грузии У-Х вв. Опыт историко-этнографического изучения. Тбилиси, 1984, 405 с.
На груз.яз.
228. Чартолани М.И. Чхудан - идол сванского дома. - В кн.: Сванети, I. Очерки по изучению материальной и духовной культуры Сванети. Тбилиси, 1977, с.122-148. На груз.яз.
229. Чачашвили Г.А. Из истории народного управления в Хевсу-

- рети /Шатильское сапехио/ // МЭГ. УП. Тбилиси, 1955, с.233-258. На груз.яз.
230. Чиковани В.М. Борьба против вредных традиций по материалам грузинской периодики второй половины XIX в. Тбилиси, 1979, 115 с. На груз.яз.
231. Чиковани В.М. Жилые постройки в Мтиулет-Гудамакари. /Материалы XIII республиканской юбилейной научной сессии, посвященной 250-летию со дня основания Академии Наук СССР. Краткое содержание докладов. Тбилиси, 1976, с.88-93. На груз.яз.
232. Чиковани В.М. К характеристике символической организации внутреннего пространства мтиульского дома. - В кн.: Историко-этнографические штудии. Тбилиси, 1987 /в печати/. На груз.яз.
233. Чиковани В.М. Новые праздники и задачи традициоведения. - В кн.: Историко-этнографические штудии. Тбилиси, 1982, с.III-I21. На груз.яз.
234. Чиковани В.М. Системный подход и обрядотворчество. - В кн.: Историко-этнографические штудии. Тбилиси, 1987 /в печати/. На груз.яз.
235. Чиковани В.М. Структура дома-микрокосмоса в Мтиулет-Гудамакари / Археологический сборник. Тбилиси /в печати/. На груз.яз.
236. Чиковани В.М. Структура дома-микрокосмоса в Мтиулет-Гудамакари /по этнографическим материалам второй половины XIX и начала XX вв./ / Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами /Аннотации/. Тбилиси, 1984, с.I42-I46. На груз.яз.

237. Чиковани М.Я. Акаки и фольклор // МЭГ, т.ХХХ. Тбилиси, 1985, с.246-255. На груз.яз.
238. Чиковани М.Я. А.Церетели и народная словесность. Тбилиси, 1958, 78 с. На груз.яз.
239. Чиковани М.Я. Илья Чавчавадзе и народное творчество. - В кн.: Чиковани М.Я. История и теория фольклора. Тбилиси, 1986, с.152-239. На груз.яз.
240. Чиковани М.Я. История грузинской народной словесности, т.1. Тбилиси, 1975, 557 с. На груз.яз.
241. Чиковани М.Я. Краткая история собирания и изучения грузинского народного поэтического творчества. - В кн.: Грузинское народное поэтическое творчество. Тбилиси, 1972, 551 с.
242. Читая Г.С. Мотив "Древо жизни" в лазском орнаменте / Известия Ин-та языка, истории и материальной культуры им. акад. Н.Я.Марра. Тбилиси, 1941, т.Х, с.303-322. На груз.яз.
243. Читая Г.С. Три инсигнии /знаки отличия/ из Закавказья // МЭГ. XVI-XVII. Тбилиси, 1973, с.51-55. На груз.яз.
244. Чуткерашвили Н.И. Особенности проявления религиозности среди молодежи и пути борьбы с ними. Тбилиси, 1980, 47 с. На груз.яз.
245. Чхартишвили И.Н. Антирелигиозная борьба в Грузии во второй половине XIX века /по материалам грузинской демократической прессы/. Тбилиси, 1982, 124 с. На груз.яз.
246. Шаманадзе Н.Ш. Критика предрассудков в устном народном творчестве. Тбилиси, 1980, 43 с. На груз.яз.
247. Эристави Р.Д. Фольклорно-этнографические письма. Тбилиси, 1986, 249 с. На груз. и русск. яз.

248. Этнографические статьи о Сванети. Тбилиси. 1973, 163 с.
На груз.яз.

4. Диссертации

249. Гиоргадзе Д.Г. Культ мертвых в горной Восточной Грузии.
Дис. ... канд.ист.наук. - Тбилиси, 1977, 248 с. На груз.яз.
250. Меликишвили Л.Ш. Свадебная обрядность горцев Восточной Грузии /по этнографическим материалам Тушети, Пшави, Хевсурети XIX-XX вв./ . Дис. ... канд.ист.наук. - Тбилиси, 1983.
207 с. На русск.яз.
251. Чиковани Г.Д. Из общественной жизни осетин - ныхас. -
Дис. ... канд.ист.наук. - Тбилиси, 1973. 240 с. На груз.яз.

5. Архивные материалы

252. А0Э.ф.М². Кеделадзе М. Материалы по этнографии Хевсурети, тетр. №№ I, 4, 6, 10, II, 14-18. 1951 г. рук.
253. А0Э.,ф.М². Кеделадзе М. Материалы по этнографии Пшави. тетр. №№ 3, 6, 10, 12, 14, 1951. рук.
254. А0Э.,ф.М². Кеделадзе М. Земля, принадлежащая общинным святилищам в Мтиулети, ч. I-III, 1949, рук.
255. А0Э., ф.М². Шадури А. Культ мертвых среди мохевцев. 1940, рук.
256. АСЭК., ПЗА. Мтиулет-Гудамакари. 1973-1975, тетр. № II. рук.
257. АСЭК., ПЗА. Мтиулет-Гудамакари. 1976, тетр. № 6.
258. АСЭК., ПЗА. Мтиулет-Гудамакари, 1979.
259. АСЭК., ПЗА. Хевсурети. 1976-1979, тетр. № 20.
260. АСЭК. Чиковани В.М. Очаг мтиульского дома. 1983, 98 с.
рук.

- 261. ФИРК., ф.5, ед.хр. № 258/209.
- 262. ЦИА ГССР. КГИГ., ф.16, оп.1.
- 263. ЦИА ГССР. КГИГ., ф.16, д.6721.
- 264. ЦИА ГССР. КГИГ., ф.16, д.6725.
- 265. ЦИА ГССР. КГИГ., ф.16, д.6762.
- 266. ЦИА ГССР. КГИГ., ф.16, д.7188.
- 267. ЦИА ГССР. КГИГ., ф.16, д.7752.
- 268. ЦИА ГССР. КГИГ., ф.16, д.8062.
- 269. ЦИА ГССР. ОВПХК., ф.493, оп.1.
- 270. ЦИА ГССР. ОВПХК., ф.493, д.22.
- 271. ЦИА ГССР. ОВПХК., ф.493, д.489.

6. Библиографии

- 272. Абрамишвили А.З. Грузинская периодика /Аннотированный каталог грузинской периодики /1819-1917/, хранящийся в ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Тбилиси, 1968, 252 с.
- 273. АБГТ. т.П /газ. "Дроеба", 1866-1885 гг., газ. "Щрома", 1881-1883 гг./ . Тбилиси, 1952, 1036 с. На груз.яз.
- 274. АБГТ. т.Ш, часть I. /газ. "Ивериа", 1886-1892 гг., газ. "Цискари", 1887. газ. "Театри", 1890 г./ . Тбилиси, 1963, 487 с. На груз.яз.
- 275. АБГТ. т.1У /газ. "Ивериа", 1893-1896 гг./ . Тбилиси, 1965, 637 с. На груз.яз.
- 276. АБГТ. т.У, часть I /газ. "Ивериа", 1897-1900 гг./ . Тбилиси, 1967, 661 с. На груз.яз.
- 277. АБГТ. т.У, часть II /газ. "Цнобис пурцели" 1896-1900 гг./ . Тбилиси, 1972, 675 с. На груз.яз.
- 278. АБГТ, т.У1, часть I /газ. "Ивериа" 1901-1904 гг./ . Тбилиси, 1969, 687 с. На груз.яз.

279. АБГТ, т.УІ, часть II /газ. "Цнобис пурцели" /1901-1904 гг./.
Тбилиси, 1975, 688 с. На груз.яз.
280. АБГЖС. Вып. I. Тбилиси, 1940, 280 с. На груз.яз.
281. АБГЖС. Вып. II /1877-1892/. Тбилиси, 1941, 447 с. На груз.
яз.
282. АБГЖС. Вып. III. Тбилиси, 1944, 857 с. На груз.яз.
283. Бакрадзе Г.И. Библиография грузинской периодики 1819-1945.
Материалы для истории грузинской журналистики. Тбилиси,
1947, 271 с. На груз.яз.
284. Вирсаладзе Е., Зандукели П., Гогичаишвили М. Библиография
грузинского фольклора с краткими аннотациями. Тбилиси,
1973, 238 с. На груз.яз.
285. Грузинская библиография, I. Указатель к статьям и материа-
лам в грузинской периодической печати /1852-1910/. Языко-
знание, этнография, география, археология, история, народ-
ная словесность и древняя литература. Петроград, 1916,
144 с. На груз.яз.

7. Периодика

286. "Акакис твиури кребули", 1899, № УІ, отд. I, с. 7-32.
287. "Акакис твиури кребули", 1899, № УІІІ, отд. I.
288. "Акакис твиури кребули", 1899, № ІХ, отд. I, с. 122-123.
289. "Акакис твиури кребули", 1899, № Х, отд. I, с. 63.
290. "Акакис твиури кребули", 1900, № ІІ, отд. I, с. 81-110.
291. "Дроеба", 1866, № 15.
292. "Дроеба", 1867, № 22.
293. "Дроеба", 1868, № 5.
294. "Дроеба", 1871, № 19.
295. "Дроеба", 1871, № 22.

296. "Дроеба", 1871, № 38.
297. "Дроеба", 1872, № 16.
298. "Дроеба", 1874, № 434.
299. "Дроеба", 1874, № 448.
300. "Дроеба", 1874, № 453.
301. "Дроеба", 1875, № 24.
302. "Дроеба", 1875, № 57.
303. "Дроеба", 1876, № 2.
304. "Дроеба", 1876, № 53.
305. "Дроеба", 1876, № 86.
306. "Дроеба", 1876, № 134.
307. "Дроеба", 1878, № 136.
308. "Дроеба", 1878, № 52.
309. "Дроеба", 1878, № 252.
310. "Дроеба", 1878, № 254.
311. "Дроеба", 1879, № 165.
312. "Дроеба", 1879, № 230.
313. "Дроеба", 1879, № 519.
314. "Дроеба", 1880, № 2.
315. "Дроеба", 1880, № 3.
316. "Дроеба", 1880, № 11.
317. "Дроеба", 1880, № 49.
318. "Дроеба", 1880, № 58.
319. "Дроеба", 1880, № 156.
320. "Дроеба", 1880, № 157.
321. "Дроеба", 1880, № 158.
322. "Дроеба", 1880, № 161.
323. "Дроеба", 1880, № 164.
324. "Дроеба", 1880, № 205.

325. "Дроеба", 1881, № 67.
326. "Дроеба", 1881, № 87.
327. "Дроеба", 1882, № 32.
328. "Дроеба", 1882, № 51.
329. "Дроеба", 1882, № 69.
330. "Дроеба", 1882, № 86.
331. "Дроеба", 1882, № 87.
332. "Дроеба", 1882, № 95.
333. "Дроеба", 1882, № 115.
334. "Дроеба", 1882, № 125.
335. "Дроеба", 1882, № 185.
336. "Дроеба", 1882, № 211.
337. "Дроеба", 1883, № 8.
338. "Дроеба", 1883, № 21.
339. "Дроеба", 1883, № 39.
340. "Дроеба", 1883, № 133.
341. "Дроеба", 1883, № 238.
342. "Дроеба", 1884, № 32.
343. "Дроеба", 1884, № 35.
344. "Дроеба", 1884, № 157.
345. "Дроеба", 1884, № 231.
346. "Дроеба", 1884, № 241.
347. "Дроеба", 1885, № 26.
348. "Дроеба", 1885, № 31.
349. "Дроеба", 1885, № 165.
350. "Дроеба", 1885, № 166.
351. "Дроеба", 1885, № 174.
352. "Дроеба", 1886, № 75.
353. "Дроеба", 1887, № 152.
354. "Джеджили", 1895, № 4.

355. "Ивериа", 1881, № 4.
356. "Ивериа", 1886, № 31.
357. "Ивериа", 1886, № 34.
358. "Ивериа", 1886, № 193.
359. "Ивериа", 1886, № 267.
360. "Ивериа", 1886, № 268.
361. "Ивериа", 1886, № 269.
362. "Ивериа", 1887, № 8.
363. "Ивериа", 1887, № 14.
364. "Ивериа", 1887, № 15.
365. "Ивериа", 1887, № 17.
366. "Ивериа", 1887, № 49.
367. "Ивериа", 1887, № 71.
368. "Ивериа", 1887, № 74.
369. "Ивериа", 1887, № 158.
370. "Ивериа", 1887, № 159.
371. "Ивериа", 1887, № 197.
372. "Ивериа", 1887, № 209.
373. "Ивериа", 1887, № 270.
374. "Ивериа", 1888, № 24.
375. "Ивериа", 1888, № 65.
376. "Ивериа", 1888, № 82.
377. "Ивериа", 1888, № 127.
378. "Ивериа", 1888, № 186.
379. "Ивериа", 1888, № 195.
380. "Ивериа", 1888, № 201.
381. "Ивериа", 1888, № 261.
382. "Ивериа", 1889, № 36.
383. "Ивериа", 1889, № 76.

384. "Ивериа", 1889, № 82.
385. "Ивериа", 1889, № 85.
386. "Ивериа", 1889, № 97.
387. "Ивериа", 1889, № 98.
388. "Ивериа", 1889, № 113.
389. "Ивериа", 1889, № 134.
390. "Ивериа", 1889, № 216.
391. "Ивериа", 1890, № 6.
392. "Ивериа", 1890, № 41.
393. "Ивериа", 1890, № 66.
394. "Ивериа", 1890, № 84.
395. "Ивериа", 1890, № 115.
396. "Ивериа", 1890, № 125.
397. "Ивериа", 1890, № 207.
398. "Ивериа", 1890, № 269.
399. "Ивериа", 1890, № 409.
400. "Ивериа", 1891, № 2.
401. "Ивериа", 1891, № 17.
402. "Ивериа", 1891, № 23.
403. "Ивериа", 1891, № 27.
404. "Ивериа", 1891, № 39.
405. "Ивериа", 1891, № 53.
406. "Ивериа", 1891, № 227.
407. "Ивериа", 1892, № 14.
408. "Ивериа", 1892, № 55.
409. "Ивериа", 1892, № 84.
410. "Ивериа", 1892, № 163.
411. "Ивериа", 1892, № 254.
412. "Ивериа", 1892, № 257.

413. "Ивериа", 1892, № 274.
414. "Ивериа", 1893, № 14.
415. "Ивериа", 1893, № 25.
416. "Ивериа", 1893, № 27.
417. "Ивериа", 1893, № 39.
417^a. "Ивериа", 1894, № 33.
418. "Ивериа", 1894, № 84.
419. "Ивериа", 1894, № 170.
420. "Ивериа", 1894, № 209.
421. "Ивериа", 1895, № 47.
422. "Ивериа", 1895, № 84.
423. "Ивериа", 1895, № 204.
424. "Ивериа", 1895, № 207.
425. "Ивериа", 1897, № 110.
426. "Ивериа", 1898, № 104.
427. "Ивериа", 1900, № 94.
428. "Ивериа", 1900, № 150.
429. "Ивериа", 1900, № 158.
430. "Ивериа", 1901, № 134.
431. "Ивериа", 1901, № 135.
432. "Ивериа", 1901, № 157.
433. "Ивериа", 1901, № 161.
434. "Ивериа", 1901, № 167.
435. "Ивериа", 1901, № 257.
436. "Ивериа", 1902, № 190.
437. "Ивериа", 1902, № 211.
438. "Имеди", 1881, № 1.
439. "Имеди", 1882, № 3, с.3-19.
440. "Квали", 1886, № 34.

441. "Квали", 1893, № 6.
442. "Квали", 1893, № 13.
443. "Квали", 1893, № 34.
444. "Квали", 1894, № 10.
445. "Квали", 1895, № 11.
446. "Квали", 1895, № 13.
447. "Квали", 1895, № 14.
448. "Квали", 1895, № 17.
449. "Квали", 1895, № 18.
450. "Квали", 1895, № 19.
451. "Квали", 1895, № 21.
452. "Квали", 1895, № 22.
453. "Квали", 1895, № 26.
454. "Квали", 1895, № 29.
455. "Квали", 1895, № 42.
456. "Квали", 1895, № 44.
457. "Квали", 1895, № 47.
458. "Квали", 1895, № 49.
459. "Квали", 1895, № 52.
460. "Квали", 1895, № 204.
461. "Квали", 1896, № 4.
462. "Квали", 1896, № 17.
463. "Квали", 1896, № 26.
464. "Могзаури", 1901, № 1, с.37-47.
465. "Могзаури", 1901, № 3, с.229-231.
466. "Мцкемси", 1884, № 10, с.5-7.
467. "Мцкемси", 1884, № 16.
468. "Мцкемси", 1885, № 5.
469. "Мцкемси", 1885, № 6.

470. "Мцкемси", 1885, № 7.
471. "Мцкемси", 1885, № 14.
472. "Мцкемси", 1886, № 4.
473. "Мцкемси", 1886, № 6.
474. "Мцкемси", 1886, № 7.
475. "Мцкемси", 1886, № 12.
476. "Мцкемси", 1886, № 29.
477. "Мцкемси", 1887, № 7.
478. "Мцкемси", 1887, № 8.
479. "Мцкемси", 1887, № 9.
480. "Мцкемси", 1887, № 10.
481. "Мцкемси", 1888, № 7.
482. "Мцкемси", 1888, № 18.
483. "Мцкемси", 1888, № 23.
484. "Мцкемси", 1888, № 24.
485. "Мцкемси", 1890, № 9.
486. "Мцкемси", 1892, № 15.
487. "Мцкемси", 1892, № 19.
488. "Мцкемси", 1892, № 20.
489. "Мцкемси", 1895, № 8.
490. "Мцкемси", 1897, № 14.
491. "Мцкемси", 1898, № 10.
492. "Мцкемси", 1901, № 9.
493. "Сасопло газети", 1876, № 2.
494. "Сасопло газети", 1876, № 12.
495. "Сахалхо газети", 1914, № 1147.
496. "Сахалхо пурцели", 1915, № 205.
497. "Сакартвелос моамбе", 1863, № 4.
498. "Сакартвелос сасулиеро махаробели", 1866, апрель, с.320.

499. "Сакартвелос сасулиеро махаробели", 1866, апрель, с.323.
500. "Сакартвелос сасулиеро махаробели", 1866, апрель, с.324.
501. "Сакартвелос сасулиеро махаробели", 1866, апрель, с.322.
502. "Сакартвелос сасулиеро махаробели", 1866, апрель, с.336.
503. "Шрома", 1881, № 15.
504. "Шрома", 1882, № 17.
505. "Шрома", 1882, № 42.
506. "Шрома", 1883, № 8.
507. "Цискари", 1861, № 3.
508. "Цнобис пурцели", 1897, № 126.
509. "Цнобис пурцели", 1897, № 151.
510. "Цнобис пурцели", 1897, № 165.
511. "Цнобис пурцели", 1897, № 186.
512. "Цнобис пурцели", 1897, № 199.
513. "Цнобис пурцели", 1897, № 213.
514. "Цнобис пурцели", 1897, № 216.
515. "Цнобис пурцели", 1897, № 217.
516. "Цнобис пурцели", 1897, № 221.
517. "Цнобис пурцели", 1897, № 244.
518. "Цнобис пурцели", 1897, № 252.
519. "Цнобис пурцели", 1897, № 257.
520. "Цнобис пурцели", 1897, № 270.
521. "Цнобис пурцели", 1897, № 304.
522. "Цнобис пурцели", 1897, № 333.
523. "Цнобис пурцели", 1897, № 404.
524. "Цнобис пурцели", 1898, № 573.
525. "Цнобис пурцели", 1899, № 827.
526. "Цнобис пурцели", 1899, № 872.
527. "Цнобис пурцели", 1899, № 873.

528. "Цнобис пурцели", 1899, № 874.
529. "Цнобис пурцели", 1899, № 925.
530. "Цнобис пурцели", 1901, № 1544.
531. "Цнобис пурцели", 1901, № 1551.
532. "Цнобис пурцели", 1902, № 1824.
533. "Цнобис пурцели", 1902, № 1888.
534. "Цнобис пурцели", 1903, № 2194.
535. "Цнобис пурцели", 1904, № 2323.

С О К Р А Щ Е Н И Я

АБГТ - Аналитическая библиография грузинских газет.

АБГЖС - Аналитическая библиография грузинских журналов и газет.

АКТЫ - Акты, собранные Кавказской археографической комиссией,
Тбилиси.

АОЭ - Архив отдела этнографии Ин-та истории, археологии и этно-
графии им.И.Джавахишвили АН ГССР, Тбилиси.

АСЭК - Архив сектора этнографического изучения грузино-кавказских
культурно-исторических взаимоотношений Ин-та истории, ар-
хеологии и этнографии АН ГССР.

д - дело.

ДГ - Сборник Грузинского общества истории и археологии, Тбилиси.

ед.хр. - единица хранения.

КГИГ - Канцелярия грузино-имеретинского гражданского губернатора.

КЭС - Кавказский этнографический сборник, Тбилиси.

МЭГ - Материалы по этнографии Грузии, Тбилиси.

ОВЦХК - Общество восстановления православного христианства на Кав-
казе.

ПЗА - Полевые записи автора.

рук. - рукопись.

ср. - сравни.

СЭ - Советская этнография.

ФИРК - Фонд Ин-та рукописей им.К.Кекелидзе АН ГССР, Тбилиси.

ЦИА ГССР - Центральный исторический архив ГССР, Тбилиси.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Дедабодзи. Гудамакари, сел.Чохи, 1977^х.
2. Дедабодзи. Мтиулети, Чартальское ущелье, сел.Вашлоби, 1980.
3. Саджалабо. Гудамакари, сел.Атнохи, 1977.
4. Саджалабо. Мтиулети, сел.Вашлоби, 1980.
5. Ангелозис кутхе. Мтиулети, сел.Арахвети, 1980.
6. Ангелозис кутхе. Мтиулети, сел. Земо Чирики, 1977.
7. Хатис унджи святилища Мтаварангелози. Хевсурети, Архотское ущелье, сел.Ахиела, 1978.
8. Инвентарь святилища, входящий в хатис унджи. Хевсурети, сел.Ахиела, 1978.
9. Хатис унджи. Хевсурети, сел.Ахиела, 1978.
10. Традиционный общественно-культурный памятник - Маринес хати. Мтиулети, сел.Сепе, 1980.
- II. Святилище Цминда Гиоргис хати. Мтиулети, Хандойское ущелье, сел.Уканамхари, 1980.
12. Святилище Ркенас джвари - Петре Ниагвриспириса. Хевсурети, сел.Амга, 1978.
13. Праздник Ахооба. Ритуальное шествие джвариони Пиримзе Пудзис ангелози из гудамакарского села Чохи в хевсурское село Уканахо. Деканози благославляет вышедших навстречу бовраки жителей ущелья Бакурхеви. Мтиулети, 1980.
14. Ахооба. Группа мтиульских и гудамакарских участников праздника в пути. Гудамакари, ущелье Бакурхеви.

х Здесь и далее фото автора.

15. Ахооба. Джвариони с жертвенными животными во главе ритуальной процессии вблизи Пхитуйского перевала.
16. Граница Мтиулет-Гудамакари и Хевсурети. Ритуальная башня на Пхитуйском перевале /2650 м./.
17. Ахооба. Деканози совершает обряд у одной из башен Пиримзе Пудзис ангелози на территории Хевсурети.
18. Ахооба. Джвариони у ритуальной башни со знаменем святилища.
19. Ахооба. Один из ритуалов праздника у камня для свечи близ центрального культового сооружения Пудзис ангелозис джвари. Хевсурети, сел.Уканахо.
20. Ахооба. Обряд приобщения к святилищу.
21. Ахооба. Кодис датацеба - ритуальный конфликт, разыгрываемый группами гудамакарских и хевсурских участников праздника.
22. Ахооба. Священнослужители гудамакарского святилища Пиримзе Пудзис ангелози и пшавского святилища Лаги Иахсари, направляющиеся к месту общей ритуальной трапезы участников праздника.
23. Поляна Цинцхвири. Подготовка праздничного угощения.
24. В ожидании джвариони. Цинцхвири.
25. Гудамакарские, хевсурские и пшавские деканозы благославляют участников праздника. Цинцхвири.
26. Ритуал прощания гудамакарских и пшавских бовраков. Хевсурети, Цинцхвири, 1980.